

НИКОЛАЙ ЗАДОРНОВ

ОИБИРИАДА

Могучсюмка и
Гурьяныч

Сибириада. Собрание сочинений

Николай Задорнов
Могусюмка и Гурьяныч

«ВЕЧЕ»

1937

Задорнов Н. П.

Могусюмка и Гурьяныч / Н. П. Задорнов — «ВЕЧЕ»,
1937 — (Сибириада. Собрание сочинений)

ISBN 978-5-4484-8576-3

Южный Урал конца XIX века, Белорецкий завод. Здесь испокон века живут русские и башкиры. У них разные обычаи, разный жизненный уклад, но объединяет их стремление к счастью, свободе. Русский рабочий Гурьяныч и башкир Могусюм, как в свое время Емельян Пугачев и Салават Юлаев, становятся народными предводителями. Увлекательный сюжет повести известного русского писателя Николая Павловича Задорнова (1909–1992), внимание автора к мельчайшим деталям, глубочайший психологизм и историческая достоверность – все это не оставит равнодушным ни одного читателя.

ISBN 978-5-4484-8576-3

© Задорнов Н. П., 1937

© ВЕЧЕ, 1937

Содержание

Предисловие	6
Начало пути	7
Часть первая. Завод	13
Глава 1. Гроза	13
Глава 2. Таш-Кушак	19
Глава 3. Помочь	25
Глава 4. Настасья	28
Глава 5. Гурьян	31
Глава 6. Завод	37
Глава 7. Старые друзья	43
Глава 8. Хлопоты	47
Глава 9. Бай-европеец	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Николай Задорнов

Могусюмка и Гурьяныч

© Задорнов Н.П., наследники, 2021

© ООО «Издательство «Вече», 2021

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2021

Сайт издательства www.veche.ru

Предисловие

Повесть «Могусюмка и Гурьяныч» была начата Николаем Задорновым в 1936 году. Начал он ее писать двадцатисемилетним молодым человеком, но уже немало повидавшим, будучи актером передвижного театра и журналистом различных газет. Когда он впервые предложил одному из издательств рукопись этой повести, ее не отвергли, но предложили доработать. А жизненные обстоятельства сложились так, что к ней он вернулся через пятнадцать лет. Повесть издавалась в центральных издательствах страны и в Башкирии. К уфимскому изданию предисловие было написано другом нашего отца писателем Михаилом Чвановым. Отец был тронут той оценкой, которую дал коллега по перу его произведению.

В память о добрых отношениях, дружбе писателей Николая Задорнова и Михаила Чванова предлагаю читателю эту статью.

Людмила Задорнова

2020 г.

Начало пути

Николай Павлович Задорнов родился в 1909 году в г. Пензе, детство провел в Сибири. Еще в школе увлекался театром, работал в передвижных труппах. В 1935 году перешел на газетную работу, начал писать очерки.

В эти годы им был сделан первый шаг в литературу, и не просто шаг, а была написана повесть, которая, правда, была издана только в 1957 году, и поэтому многие полагают, что она написана Н.П. Задорновым – уже зрелым мастером, автором таких широко известных произведений, как «Амур-батюшка», «Далекий край», «Первое открытие». И шаг этот, наверное, был нелегким: вдруг бросить театр и взяться за новое дело; и – не просто перейти на газетную работу и начать писать очерки, а попробовать написать повесть. И не просто повесть на основе пусть еще небольшого, но своего жизненного опыта, как чаще всего начинают, а повесть историческую, с глубокими народными характерами, проецируемыми в прошлое и будущее, – словом, произведение, которое определит весь дальнейший творческий путь писателя.

«С благоговением садился я за дощатый стол в нашей комнате нового бревенчатого двухэтажного дома. Из широкого окна в синеве зачинающегося рассвета проступали очертания строящихся доков судостроительного завода», – писал Н.П. Задорнов в послесловии к шеститомному собранию сочинений. Эти строчки относятся уже к Комсомольску-на-Амуре. Но, читая их, я вижу Николая Павловича, сидящего за широким столом в старинном деревянном доме в Белорецке, в окно которого видны трубы и здания старинного железоделательного завода, помнящего Пугачева и Хлопушу, и пишущего первые главы своей первой повести, о которых потом, через много лет, скажет:

– Многие главы впоследствии хоть частично, но переделывались и переписывались. Лучшие же главы те, которые написаны в Белорецке над обрывом, они позже не подвергались никакой переработке.

А повесть эта называется «Могусюмка и Гурьяныч». Она рассказывает о жизни Белорецкого завода после отмены крепостного права. Может, кого покоробит такое определение – «о жизни завода», но я не оговорился, потому что в понятие «завод» того времени, особенно на Урале, входило не только собственно производство в сегодняшнем смысле, заводом назывался и сам городок или поселок и даже местность вокруг него, и был у завода свой особенный уклад жизни, и норма общественных отношений, и свой фольклор. То есть завод того времени – и кровь, и плоть, и духовная жизнь трудового человека. Завод в корне изменил и жизнь окрестных башкир. И повесть эта – о поисках народного счастья. О слепых попытках приблизить его, выливающих в стихийный протест бунтарства, даже разбойничества. О дружбе русского и башкирского народов, прошедшей испытания еще в пору пугачевщины, о силах, пытающихся помешать ей.

И тут есть странная закономерность. Разумеется, писатель в Н.П. Задорнове жил и раньше, еще до приезда в Белорецк. Но почему первый толчок, побудивший взять в руки перо и заставивший навсегда бросить дорогую ему профессию актера, к которой столько стремился, случился именно здесь? Этому способствовала особенная, неповторимая красота здешних мест? Да, наверное. Особенная, неповторимая самобытность народных характеров и исторических событий, связанных с Белорецком и его окрестностями? Да, конечно. Но все-таки, наверное, все это не самое главное, ведь Н.П. Задорнов провел свое детство, – а детские впечатления, несомненно, самые яркие, самые дорогие, – в Сибири, и не просто в Сибири, а в Забайкалье, крае, не менее особенном и неповторимом, который славится как красотой природы, так и народными характерами и историческими событиями. «Детство мое прошло в городе, – напишет впоследствии Николай Павлович, – которому жизнь дали ссыльные декабристы, а потом, в Иркутске, я застал еще живыми людей, помнивших декабристов».

Повторяю, есть какая-то странная закономерность в том, что, например, Сергей Залыгин, родившийся в Башкирии, под Стерлитамаком, напишет роман о Сибири, ставший заметным явлением в современной советской литературе, а прекрасный роман о национальном герое башкирского народа Салавате Юлаеве, сподвижнике Емельяна Пугачева, напишет Степан Злобин, родившийся в Москве, и историческую повесть об одном из самых старых и самобытнейших заводов Южного Урала, о следующей странице дружбы русского и башкирского народов, яркими представителями которых были Гурьяныч и Могусюм, напишет уроженец Пензы Николай Задорнов.

Почему литературные памятники Салавату Юлаеву и Емельяну Пугачеву, Могусюму и Гурьянычу созданы не писателями, родившимися и живущими в Башкирии, не будь им в обиду сказано, которые, разумеется, глубже знали этот материал?

Может быть, чем глубже, чем лучше знаешь материал, тем труднее писать? Пожалуй. Но это вовсе не значит, что легче писать, плохо зная материал. Тут дело в другом – видимо, свежим взглядом, когда в тебе накопился достаточный духовный и жизненный багаж, легче заметить, увидеть то самобытное, неповторимое, присущее только этому краю, что писателю, живущему здесь, иногда кажется если уж не обычным, то по крайней мере привычным. Но к этому особому взгляду готовит писателя вся его предшествующая жизнь, весь его предшествующий опыт, пусть связанный с другим краем. Тем более если тот край очень похож на Башкирию.

Весной 1982 года Николай Павлович Задорнов приезжал в Уфу в связи с подготовкой этой книги к печати, мы пытались на улице Аксакова найти дом, в котором он жил после Белорецка, работая корреспондентом «Красной Башкирии».

– Почему все это произошло именно в Белорецке? – переспросил он сам себя. – Конечно, это случайность, что я оказался в Башкирии, и тем более уж в Белорецке. Режиссер Андреев в Москве на бирже труда формировал труппу для Уфы, и вот с ней впоследствии я и оказался в Белорецке. Я был очарован этим городом. Как он органически вписался в природу, с его непритязательной с виду, но своеобразной деревянной архитектурой, кружевами его наличников. Его самобытностью, особым складом характера его людей. И в то же время он так был похож на Забайкалье, и так были похожи на сибиряков уральцы! И золотые прииски под Верхним Авзяном, на материале которых я впоследствии написал свой первый очерк для «Красной Башкирии», так походили на золотые прииски Забайкалья. Но было и другое, особенное, что было присуще только Белорецку, только истории этого края, только его людям.

Я хочу добавить, что принципы исторической достоверности, непосредственной авторской причастности и скрупулезности Н.П. Задорнов вырабатывал еще при работе над первой своей повестью, это шло, наверное, прежде всего от врожденной наблюдательности и любознательности, ну а потом – от сознательно выработанной гражданской ответственности за взятую тему.

Целиком захватившая его работа над повестью не мешает газетной работе. Для некоторых писателей работа в газете – это вынужденный и зачастую обременительный труд, и мы не вправе их упрекать в этом, у каждого своя творческая судьба, свой метод работы, свой метод сбора материала и подход к нему. Я привожу этот пример здесь не как свидетельство достоинства или недостатка того или иного метода, а просто как факт, свидетельствующий об особенностях творческой манеры Н.П. Задорнова, ярко проявившейся уже в работе над первым своим произведением. Работа в небольшой городской газете, кроме хлеба насущного, дала ему столь дорогую возможность встретиться с гораздо большим кругом самых разных людей. Он понимал, что эту возможность ему не может дать никакая другая профессия. В качестве корреспондента «Белорецкого рабочего» он объехал окрестности Белорецка, неоднократно бывал на золотых приисках, рудниках, побывал не только в окрестных деревнях, но и на дальних кочевках башкир, поднялся на высочайшую вершину Южного Урала – гору Ямантау. Эти командировки позволили ему услышать удивительные как русские, так и башкирские легенды и сказы,

увидеть яркий, самобытный уклад жизни уральских сел Кага и Верхний Авзян, особенностью которых было то, что, становясь рабочими, их жители в то же время продолжали пахать и сеять, то есть оставались крестьянами, и у них никоим образом губительно не рвалась связь с природой, и, может быть, поэтому здесь родилось так много цельных и ярких характеров, прекрасных легенд и песен.

«Творчеству Н. Задорнова присущ пафос интернационализма, через все его книги проходит тема дружбы русских с малыми народностями, населяющими Дальний Восток», – читаем мы в предисловии к собранию сочинений Н.П.Задорнова, написанном Л. Швецовой.

И опять-таки – эта особенность творчества писателя ярко проявилась еще в первой повести; мало того, именно этому и посвящена повесть – дружбе русского и башкирского народов, объединенных не только общей землей и общим рабством, но и светлой думой о будущем. И удивительно, каким образом, прожив в Башкирии столь малое время, писатель сумел так глубоко постичь душу этого народа, его психологию, его обычаи, характер, его страстные порывы, порой заблуждения, в поисках лучшей доли. Писатель глубоко полюбил этот народ, и важно, что он счастливым образом сумел избежать упрощенности в его изображении, поверхностной идеализации. Это тоже признак таланта, исторической ответственности и гражданской совестливости. В повести «Могусюмка и Гурьяныч» нет восторженного или, наоборот, снисходительного сюсюканья, романтического умиления, неискреннего заигрывания, чем иногда, при отсутствии гражданской ответственности или просто таланта, грешили некоторые наши книги.

И нет в повести Н.П. Задорнова исторической идеализации отношений между башкирами и русскими того времени. Как раз наоборот: в ней прослежен тот сложный, а зачастую и драматический путь от настороженности, взаимного недоверия – к взаимопониманию, к взаимной помощи, к взаимовлиянию культур, дружбе, которая выльется потом в истинное братство народов.

В центре повести – дружба двух стихийных народных бунтарей, «разбойников» не по призванию, а по обстоятельствам: русского рабочего мастера Гурьяныча и башкира Могусюма, людей по-своему ярко талантливых, но вынужденных, по сути дела, закопать свои таланты в землю. Это как бы осмысление социально-исторического продолжения дружбы Пугачева и национального героя башкирского народа Салавата в послекрепостное время.

Читая «Могусюмку и Гурьяныча», невольно вспоминаешь «Хаджи-Мурата» и «Казakov» Л.Н. Толстого. Несомненно, работая над повестью, Н.П. Задорнов испытывал влияние великого русского писателя и мыслителя, его гуманистических идей. Но выразилось оно не в подражании, не в эпигонстве, а в социально-историческом и нравственно-философском осмыслении народной драмы – честном, вдумчивом, гуманном.

Сам Николай Павлович, строго подходя к своему творчеству, видимо, считал повесть еще юношески несовершенной. Может быть, поэтому он решился опубликовать ее только почти через двадцать лет после написания и то только после некоторой доработки. Но, как бы то ни было, в этой повести, как на ладони, подозревает об этом или не подозревает автор, высветились принципы всего его дальнейшего творческого пути, принципы и краеугольные камни его нравственно-философской позиции.

Особо хотелось бы сказать о социально-исторической объективности оценки писателем общественных сословий, прослоек, групп дореволюционной России, которые были далеко не такими однородными и однозначными, как трактуют их иные художественные произведения, где истинная социально-историческая объективность подменена вульгарным социально-историческим шаблоном. Это происходит в разных случаях по разным причинам: в одних – из-за неверно понятой и трактуемой писателем гражданственности, в других – по причине узости кругозора и недостатка таланта, в третьих – под влиянием, невольным, может быть, некоторых без конца повторяемых образов отечественной литературы и потому уже давно ставших штампами.

И в этом смысле приятно отметить, что молодой писатель еще на самых первых шагах своего большого пути не пошел на поводу этой ложной неисторической традиции.

Например, как набил нам оскомину если уж образ купца, то обязательно толстого, жадного, жестокого, все гребущего под себя. Да, были такие. И слава тому художнику, кто первым в отечественной словесности изобразил такого хищника. Но это и беда его. Потому что по его пробитому следу пошли подражатели и просто плагиаторы. Чего проще – меняй только фамилии да губернии. И в результате купечество в целом, как социальная прослойка общества, получила искаженное и даже извращенное представление у многих наших современников. А ведь было и другое купечество, оставившее благодарный след в истории экономического и военного становления нашего государства, его культуры и искусства. Достаточно назвать былинного Садко, купца Афанасия Никитина, ходившего за три моря – в Индию, купца Федота Алексеева, «товарища» Семена Дежнева в его историческом плавании из Северного Ледовитого океана в Тихий, купца Сибирякова, субсидировавшего экспедицию Норденшельда, вторым после Дежнева прошедшего Северным морским путем, нижегородского купца Кузьму Минина, легендарного руководителя народного ополчения. И как тут не вспомнить купцов Савву Мамонтова и Савву Морозова, заслуги которых в становлении русского искусства невозможно переоценить, еще одного купца Алексеева, ставшего великим деятелем русского театра Станиславским, и купца Нестерова, сделавшего все возможное, чтобы его сын стал великим русским художником.

Именно с этих исторических позиций написан Н.П. Задорновым образ купца Захара Булавина, который вместе с учителем Иваном Пастуховым пытается помочь рабочим, зажатым недалекой заводской администрацией в хитроумные экономические тиски, которые в результате мешают даже интересам заводского производства. За это Захара Булавина лютой ненавистью ненавидят его «коллеги» по торговому делу. В конце концов, желая жить своим трудом, он порывает с купечеством.

Как нам набил оскомину «типичный» образ офицера старой русской, или, как еще чаще называют, царской армии: жестокого, ограниченного, даже тупого исполнителя чужой воли. Да, были и такие. И писатели были обязаны рассказать нам о них. Но были и другие офицеры. Офицеры 1812 года и большинство русских путешественников и землепроходцев, как, например, Г.Я. Седов и Н.М. Пржевальский. Кадровыми офицерами старой русской армии были и многие легендарные командиры и комиссары Красной армии, как, например, Тухачевский, Якир, Каменев, Кадомцев...

И чрезвычайно важно, что на поводу ложной исторической традиции, по проторенной дорожке облегченной, даже соблазнительной схемы в изображении старого офицерства не пошел молодой писатель. У него в пору, когда в литературе были так в ходу закоренелые вульгарно-социологические штампы, хватило гражданской ответственности и мужества внимательно присмотреться к офицерам карательного отряда, прибывшего на завод, не показать их однородной жестокой массой, а приглядеться, подумать, кто из них каратель по убеждению, а кто по принуждению, а может, и более того – сам находится в роли ссыльного, угнетенного, которого, в свою очередь, заставляют угнетать, карать других.

Н.П. Задорнов ясно дает читателю понять, что не может быть других отношений, кроме взаимной ненависти, между жандармским офицером Дроздом и сосланным на Урал – нет, не за революционные убеждения, просто за дерзость, сказанную командиру Семеновского гвардейского полка, – молодым офицером Алексеем Керженцевым, хотя они повязаны одним делом – поимкой «бунтовщиков» Могусюма и Гурьяныча. Более того, Керженцев в таежной стычке ранен Могусюмом.

«Пуля попала Керженцеву в плечо, – пишет Н.П. Задорнов. – Врач вынул ее. Через несколько дней Керженцев был на ногах. Жил он вместе с товарищами в Нижнем поселке. Булавин, встретивший отряд в горах еще до схватки и познакомившийся с Керженцевым в

пути, явился на завод вместе с войсками. Он приглашал Керженцева остановиться в своем доме. На вид казалось, что купец симпатичный человек, но молодому человеку не понравилось, что Булавин ехал жаловаться в город на своих односельчан. «Доносчику – первый кнут», – на этом правиле Алексей был воспитан». В свою очередь, «Захару этот офицер нравился тем, что зла никакого к Могусюмке не питает, хотя и ранен им. Он видел в этом признак большой силы и характера».

«Однако скоро явились причины, – поясняет Н.П. Задорнов, – из-за которых Алексей Николаевич переменил свое мнение о Булавине и даже сожалел, что не остановился в его доме.

По прибытии в завод молодого офицера заинтересовала здешняя жизнь, он стал доискиваться до причин бунта, узнал о Могусюмке все подробности, а потом и о Гурьяныче. Подобный тип бунтаря из народа не встречался ему никогда...

...У Керженцева был двоюродный брат, в прошлом тоже офицер, оставивший службу, известный революционер, сосланный в Сибирь. Хотя Алексей был чужд какому бы то ни было революционному движению, но, как и большинство русских интеллигентов, с наслаждением читал Некрасова, полагал позором ссылку Чернышевского и считал революционеров людьми долга, готовыми к жертве на благо народа. Теперь – тоже в ссылке, по сути дела, – Алексея стал занимать вопрос, что же представляет из себя тот народ, ради которого идут на жертву лучшие русские люди, каковы их идеалы, что он хочет, как мыслит свое будущее освобождение и желает ли его, как сам добивается действительной воли.

Керженцеву казалось, что здесь, в глубине Урала, где когда-то бушевала пугачевщина, и теперь бродили какие-то силы».

И невольно к Керженцеву тянулись другие офицеры отряда:

«И начальник отряда капитан Верхоленцев, и высокий и щеголеватый поляк поручик Маневич, и хорунжий Сучков слушали с интересом, хотя сами они умирляли бунт и наводили тут порядок.

В том, что происходило на заводе, каждый из них видел что-то свое. Поляк Маневич – поработавшую Польшу. Хорунжему всегда казалось, что Москва и Питер зря обижают казаков и теснят их. Капитан Верхоленцев, убежденный монархист, замечал, что за последнее время, несмотря на все либеральные благодеяния, простой народ продолжал бунтовать, жил хуже прежнего. В получаемых свободах народ, по мнению Верхоленцева, усматривал право высказывать недовольство и безобразничать».

Вот вам мысли, настроения и искания русского офицерства середины прошлого века, далеко не однородного как по своему происхождению, так и по своему социальному положению и убеждениям. Эти различия по мере обострения общественных отношений в России будут усугубляться, обостряться и найдут свое трагическое завершение в драме Гражданской войны. Будь герои Н.П. Задорнова моложе, можно предположить, что, если они не сломают головы в окопах Первой мировой войны, офицером белой контрразведки кончит свой бесславный путь Дрозд, рядовым офицерского полка белой Добровольческой армии в штыковую атаку защищать старую Русь пойдет капитан Верхоленцев и, если чудом останется жить – будет умирать от ностальгии в Стамбуле, или Константинополе, хорунжий Сучков, прошедший страшный путь исканий шолоховского Григория Мелехова.

Но вернемся к главным героям повести. Критика много писала об образе Егора Кузнецова из романа «Амур-батюшка». М. Зорин, автор книги о Н.П. Задорнове, вышедшей в Риге, считает этот образ «новой фигурой в современном историческом романе». При чтении «Могусюмки и Гурьяныча» невольно приходит мысль: не вырастает ли этот образ из образа Гурьяныча, наипервейшего кузнечного мастера («Его железо особого сорта, и полоски эти на заводе называют “гурьяновками”»), ведь даже фамилия-то у Егора – Кузнецов. Та же широта души, природная талантливость, непримиримость к несправедливости, дружба с представителями других угнетенных народов России.

Да не только схожесть характеров. Вспомните, что говорит Гурьянычу одинокая Варвара, у которой в курене он скрывается от ищущих его стражников: «Потом, присев на лавку и ласково глядя на Гурьяныча, стала говорить, что вот, мол, в Сибири места очень хороши и люди селятся там, кто где хочет, и никто там не спрашивает, кто пришел и откуда и кем был раньше. До этого нет никому никакого дела. Нет там господ, а чиновники редки, и есть места, куда никакой чиновник не доберется».

А вспомните, чем кончается повесть: «Впоследствии Гурьян выздоровел, живя у башкир, тайно вернулся на курень, женился на Варваре, ушел с ней и ее дочкой в Сибирь».

Вот с такими мыслями я приглашаю вас прочесть или вновь перечесть повесть Николая Павловича Задорнова «Могусюмка и Гурьяныч», и, может быть, после этого несколько в ином свете откроется для вас и все его дальнейшее творчество, и романы, которые уже здесь упоминались и которые вы, возможно, до этого считали написанными ранее «Могусюмки и Гурьяныча»: «Капитан Невельской», «Война за океан», «Золотая лихорадка», «Цунами», «Симода» и «Хэда».

Михаил Чванов, 1983 г.

Часть первая. Завод

Глава 1. Гроза

Саксачьи овчины¹, тяжелые цибики чая, канаусовые² ткани, выбойку, верблюжью шерсть тюками, шерстяные ковры азиатской работы закупил Захар Булавин у бухарцев и киргизов.

Насмотрелся на ярмарке разных чужестранных товаров, привезенных из-за степи меднолицыми купцами в тюбетейках и полосатых халатах. Ездил для потехи на верблюде, ходил на басурманскую гулянку слушать горестную протяжную плясовую с барабанным боем. Но озорства избегал и пьяным, как другие уральские купцы, не напивался.

...В воздухе парило, влажный жар томил путников, кони ленились бежать рысью. Долина стрекотала тысячами звуков. За лугом виднелись горные вершины, увенчанные округлым каменистым куполом – Яман-Таш³, как старинной татарской шапкой.

После смерти родителя, лавочника, возившего по башкирским деревням и в заводской поселок цветные ситцы, краски для самотканых сукон и холстов, наследник его поставил дело по-своему. Старую лачугу сломал, взял из конторы отцовский капитал, лежавший у завода на сохранении, пустил деньги в оборот.

На базаре выстроил новую лавку, заказал мастеру поторжного сарая⁴ в заводе железные створки и болты для дверей и окон, закупил под Косотуром⁵ на Златоустовском заводе тяжелые замки.

Поставил в новом селении пятистенный дом с горницей в четыре окна. Зажил с молодой женой на славу.

Начал ездить на сибирские ярмарки. Из Ирбита привез материй с узорами, янтарных бус, кашемировых шалей.

Возвратился домой на завод, распродал товары и заработал чистыми по восемь гривен на рубль.

Удача окрылила его. Хотелось еще хватить денег, охота была поглядеть чужие стороны. Забрал, с собой приказчика, покатыл в степь.

Отвез Захар на продажу полосового железа. В обратный путь на меновом дворе загрузил наемные подводы низовских мужиков красным товаром. Низовцы – жители околзаводской деревни. Заводские говорят про них, что это народ-зверь.

Свой человек – приказчик Санка – присматривает за отставшим в пути обозом. Был он еще мальчиком привезен на завод отцом Захара из чужих краев. Вырос Санка в доме у Булавиных и на всю жизнь приучен был благодарить хозяев за кусок хлеба.

– Лучше чужого в лавке держать, чем наших варнаков⁶, – говорил покойный лавочник, – здешних к своей лавке не приучишь.

¹ Саксачья овчина – долгорунная, майская овчина.

² Канаус – разновидность старинной шелковой ткани с полотняным переплетением нитей. Материалу свойственна мягкость, гладкая ровная поверхность, устойчивая структура и одинаковый вид с лицевой и изнаночной стороны.

³ Яман-Таш – скала в верхнем течении реки Уфа. «Плохая гора» – перевод с башкирского.

⁴ Поторжный сарай – так называли механический цех.

⁵ Косотур – памятник природы «Гора Косотур», находится в центре города Златоуста, расположен в лесопарковой зоне города, но со всех сторон окружен городской застройкой. Высота горы Косотур 634 м, по другим сведениям – 586 м. Это самая высокая точка на территории города.

⁶ Варнак – каторжник, беглый каторжник.

Вырос Санка верным приказчиком Булавина. Был он человек сильный, способный по суткам работать без усталости. В дороге при перевозках умел сохранить товар, а в лавке был незаменим: торговал быстро и ловко, хорошо умел считать, знал, с кем и как надо обойтись.

...Тройка остановилась. Лошади махали головами, взмыленные, усталые от подъема на холм. Начались лесистые отроги восточного склона хребта.

– Нынче придет мой обоз, народ сбежится смотреть на товары, богатые башкиры глаза проглядят и без обмены не уйдут из лавки. Это им не владимирский офеня...⁷ Конец приходит сарпинщикам, коснякам⁸, венгерцам...⁹

...С вершины по крутому спуску тройка пошла упираясь, весело рванула у подножия, и тарантас покатился по накатанной пыльной дороге. Въехали в кустарник. Прозрачный ключ струился в чаще черемушника. Ветви низко нависли над головами. Ямщик хватал их и отгибал в стороны.

Из прохладной пади поднимались в гору вязкой от песка дорогой по опушке соснового леса.

Подул свежий ветер. Закачались ветвистые бровицы. Кустарник на обрывах гнулся к земле.

Из-за леса поползли облака, подернутые синевой. Небо обволакивалось со всех сторон.

– Быть дождю, – проговорил Захар. – Останови-ка коней, – тронул он кучера и полез из тарантаса. Разгреб сено, достал дорожный чепан¹⁰ крестьянской шерсти.

Ямщик проворно слез с облучка и суетливо пособлял купцу одеваться. Помог Захару залезть обратно, сам надел старый армяк¹¹, перепоясался мочальной веревкой, вскочил на место, тронул волоками коней, озираясь на небо.

– Ну-ка, пошли...

Ветер налетал рывками, шумы волнами заходили в вершинах, деревья застонали, зашатались, лес зарокотал. Солнце скрылось, и небо затянуло тучами. Все кругом потемнело.

Издалека послышался раскат грома.

– Гроза, – молвил ямщик, оборачивая бородатое лицо.

– Вороти к Трофиму на кордон, – приказал Булавин.

Мужик приударил по коням. На перекрестке свернул с большой дороги на проселок.

Снова прогремел гром. Купец и крестьянин, сняв шапки, перекрестились. Из-за каменных гребней гор появилось черное облако. Захар, ухватившись за кушак возницы, оглядывал небо.

По краям грозовой тучи плясали лохматые обрывки облаков. Туча шла низко и быстро. Вокруг становилось все темней и темней.

Избушка лесника была недалеко, и дорогу кучер знал хорошо. Не впервой завозил он путников к Трофиму.

– Но-но, лодырь, ходи, – дернул старик коренника¹².

Не dokonчил он последнего слова, как молния переполоснула тучу наискось, разбежалась зигзагами вниз, столб огня упал в чащу леса, и невдалеке от проселка треснула и запылала высоченная кондовая лесина¹³. Гром покатился по всей туче и грянул над тарантасом купца коротко, но с такой силой, словно на небе выстрелили из громадной пушки.

⁷ Офеня – бродячий торговец.

⁸ Косняки – небольшие треугольные пироги.

⁹ Сарпинщики, косняки, венгерцы – названия бродячих торговцев.

¹⁰ Чепан – крестьянская верхняя одежда.

¹¹ Армяк (первоначально «ормяк») – верхняя, долгополая одежда из грубой шерстяной ткани (изначально из верблюжьей шерсти).

¹² Коренник – лошадь, запрягаемая в корень, то есть в оглобли (при наличии пристяжных); средняя лошадь в тройке.

¹³ Кондовый лес – имеющий плотную, прочную древесину и малое количество сучков.

Кони шарахнулись в сторону.

– Ну-ну, окаянные, запутались! – хрипло кричал ямщик.

Нахлестанная тройка помчалась вперед. Тарантас затрещал на колдобинах и буераках. Слышно было, как по лесу приближался ливень. Плавающая сосна озаряла дорогу красноватыми отблесками.

Вот туча начала заволакиваться дождем, западали, зачастили крупные капли, снова сверкнула молния, грянул гром.

Тарантас вылетел на поляну. За протокой чернела избушка лесника. Тройка неслась к жилью, кони летели во всю прыть, чуя пристанище. Ямщик только натягивал вожжи.

Залетел ливень, захлестал потоками воды, заплескался в тарантасе. Дорожный чепан Булавина и армяк возницы мгновенно вымокли.

Проехали мостик через рукав речки – лесник жил как бы на островке, – остановились у сторожки. Трофим, седой, но еще крепкий старик, выбежал встречать путников, накрыв голову и спину мешковиной.

– Здравствуй, здравствуй, любезный! Скорее в избу пожалуй, а тут уж мы с ямщиком управимся, – приговаривал он, помогая купцу выбраться из тележки.

Дождь хлестал вовсю. Булавин захватил кожаную сумку с деньгами и дорожными вещами, скинул в сених намокший чепан и вошел в избу.

Там были двое башкир, незнакомых Булаину. Один из них лежал на лавке. Он с тревогой привстал, когда вошел Захар. Лицо у него рябое, а черные густые брови у переносицы приподнялись вверх, отчего выражение лица было жалобное. Оглядев купца, он успокоился и снова прилег, повернувшись лицом к стене.

Другой сидел на полу у печи и озабоченно осматривал старое кремневое ружье. Краснощекое лицо его выражало энергию и упорство. Близ табурета лежали мешочки с порохом и с пулями, шомпол, пыжи, сумка, охотничий нож. Все изобличало в нем охотника, завернувшего на перепутье к старому зверобою Трофиму, у которого было много друзей среди окрестных башкир.

Захар перекрестился на иконы и, не здороваясь с незнакомцами, пролез за стол, открыл сумку – проверить, не замочило ли дождем перепись товаров, купленных на ярмарке.

Захар был грамотный. Мальчиком он учился в крепостной школе, где из детей заводских крестьян готовили служащих конторы. После закрытия крепостной школы Захара за тридцать копеек в год доучивал церковный пономарь.

Вошел лесник, широкогрудый, коренастый старик с окладистой бородой.

– Давненько не заглядывал к старику, Захар Андреич! Все в своем занятии. Ну, рассказывай, откуда едешь, а я тебе пошабашить соберу щец да каши, баба-то у меня в лесу, с утра ушла, да, видно, бурю в шиханах¹⁴ просидит.

Из русской печки лесник вытащил горшок со щами, сунул в него деревянную ложку, накрыл широким ломтем хлеба – подал гостю.

– Чем бог послал, не обессудь, Захар Андреич.

– С ярмарки еду, Трофим, с ярмарки, да от непогоды к тебе завернул, а то к ночи хотели быть на заводе, – окая, заговорил Захар.

– Да что ты, любезный, по ночам хребтом теперь не езда. Не ровен час, Могусюмка с башкирцами, слышно, опять в нашей стороне появился.

Снова ударил гром. Лесник и купец невольно взглянули в крошечное окно. Ливень лил с прежней силой. Избушка вздрагивала от порывов ветра.

¹⁴ Шиханы – горы, находящиеся в Башкирском Предуралье, недалеко от городов Стерлитамака, Салавата и Ишимбая. Они образовались более 260 миллионов лет назад. В палеозойскую эру современные шиханы были рифами: тогда в этой местности было теплое море. Ученые обнаруживают в скалистых частях шихан фрагменты древних животных, моллюсков, кораллов и водорослей.

– Могусюмка нам не опасен, – отвечал купец. – Он у нас на заводе ходит открыто, ему наших трогать не расчет. Могусюмка лошадьми живет, от него лошадиникам беда, богатым башкирам, а на заводе какие кони...

– Не говори, Захар Андреич, давеча под Курк-аркой на караван налет был. Нынче по кочевкам ездили городские, читали бумагу: кто изловит Могусюмку, тому награду обещают.

– Разве поймают? – усмехнулся Захар. – Он ловкий...

...Дверь, отворилась, в избу вошел ямщик. Захар отдал ему остатки щей. Старик уселся у двери, поставил горшок на колени и жадно хлебал варево. Трофим подал кашу.

– А я ныне на сохатых ходил – тебя вспоминал... Под Арвяком на солончаках¹⁵ каждый раз встречаю то табуном, то в одиночку. Солонцы лизать приходят. Отдыхай от ярмарки, да поедом зверя бить в урман¹⁶. А, Андреич, как бывало?

Снова налетел порыв ветра.

В лесу раздался треск, и слышно было, как падала лесина. Треск повторился снова и снова, по лесу деревья валились наземь, и гул от падения пошел по тайге. Дождь затих на мгновение и вдруг полил с новой силой.

– Бушует, – молвил Трофим – Вот с Хибетом собрался на охоту нынче, – кивнул он на башкира с ружьем. – На Бердагуловском курене житья не стало от медведей. Что ни ночь – то конь задраный. Куренный обещает нам¹⁷ с Хибеткой награду от заводской конторы, если зверей отвадим. Хибет, выбьем, что ли, косолапых?

Тот, кого называли Хибетом, положил ружье на скрещенные ноги, поднял голову и, прежде чем начал говорить, улыбнулся. Лицо его, за миг до этого озабоченное и суровое, мгновенно преобразилось. Глаза сощурились и заблестели лукавством.

– Ружьем стреляем, конечно, возьмем. Зверь куда девается? Наш будет, – молвил он.

– Хибет отчаянный, жизни не жалеет, – говорил Трофим. – Дед у него старик теперь, уж на охоту не ходит. Был Хибет еще мальчишкой, и дед был малость помоложе, так учил его с рогатиной брать зверя. Одна у нас беда, – хлопнул он по плечу охотника, – как деньги в кармане, так на завод: накупит вина и куролесит. Кругом нынче башкиры пьяницы пошли. Своего закона не уважают. Зря контора водкой торгует.

Хибет смущенно отвернулся и снова занялся ружьем.

– Отец у него Бикбай... Знаешь? Иван, ты, поди, знаешь?

– Как же, знаю старого Бикбая, – ответил ямщик. Но знает ли Хибетку – не сказал.

– У Бикбая кочевка недалеко, где башкирская земля начинается. Он теперь совсем переехать хочет. У него шалашик был тут прежде, приезжал только на лето, а нынче лес заготовил, хочет юрту строить. Поближе к заводу...

Трофим зажег лучину. Гроза проходила. Ветер стихал, гром гремел в отдалении. Дождь еще лил, но не так сильно.

Башкирин, спавший на лавке, зашевелился.

– Это кто у тебя? – спросил Захар.

– Проезжий человек. Видно, из дальних башкир, да не то больной, не то напуганный, все молчит да в углы жметя.

Башкирин на лавке поднялся. Жалобное рябое лицо его, помятое после сна, казалось еще более безобразным.

– Куда едешь? – спросил его Захар.

Тот развел руками и не ответил.

¹⁵ Солончак – тип почвы, характеризующийся наличием в верхних горизонтах легкорастворимых солей в количествах, препятствующих развитию большинства растений.

¹⁶ Урман – лес.

¹⁷ Куренный обещает нам...? – Куренный заведовал выжиганием и доставкой древесного угля на завод.

– Чего это ты?

– Бельмэем¹⁸, – отвечал башкирин.

– Ну-ка, Иван, – молвил купец ямщику, – спроси, откуда он, куда едет.

Ямщик Иван был родом из Низовки, где все мужики толково объяснялись по-башкирски. Он спросил проезжего: тот что-то буркнул в ответ, поклонился леснику и вышел из избы.

– Озорной башкирец, не хочет отвечать, – сказал Иван.

Захар больше не любопытствовал и стал готовиться ко сну. Из сеней принес чепан, развесил на печи, снял со стены и постелил на лавке полушубок, положил в голову дорожную сумку, снял поддевку, стал молиться на образа.

Хибетка кончил возиться с ружьем и устраивался спать на полу у печки. Пока купец молился, Хибетка затих, чтоб не отвлекать русского. Лучина гасла, в избе становилось темно. Дождь стихал. Помолившись, Захар разулся, лег на лавку, укрылся поддевкой.

Тряская дорога, ливень, буря, лесной пожар утомили купца.

«А жаль, что не добрался ночью до завода», – подумал Захар и представил себе, как бы он приехал на завод, постучал бы в ставень и как бы встретила его жена... У него для Настасьи сережки дорогие куплены у московских купцов на ярмарке.

Сквозь дремоту слышал, как, хлюпая копытами по лужам, кто-то проехал мимо дома.

«Башкирец-то, верно, озорной, если ночью в путь торопится. И конь-то его, поди, ворванный», – мелькали у Захара обрывки мыслей.

Дверь скрипнула. Лесник зашел, задул лучину, кряхтя полез на голбец. Кучер храпел в ногах у Булавина, Хибет ворочался возле печки.

Снова вспомнил о Настасье. Представилось ему, будто плывет она в лодке по пруду. Феклуша гребет, а Настасья правит.

Потом вдруг ударил огонь с неба и попал в новую лавку.

«Слава богу, что обоз-то не пришел домой, а то бы все товары погорели!» – подумал Захар и побежал за водой к колодцу, но и оттуда вылетело пламя. А кругом дома загораются, и выхода нет с улицы...

– Андреич, родимый, проснись-ка, – шевелил купца в потемках кучер.

– Чего тебе? – очнулся Булавин.

– Непокорно здесь, возле кордона в лесу недобрые башкирцы. Ты уж не засыпай, как бы худо не было...

Захар приподнялся, присел на лавке.

– Вышел я коней проведать, – продолжал мужик, – слышу, за протокой разговор. Я в стаеке притаился. Слушаю: Хибета нашего расспрашивают про какого-то Гейниатку: куда, мол, и откуда проехал? Хибет им объясняет: мол, с вечера грозу пересидел у лесника, а уехал к ночи поздно, как прошла буря. Чую, недобрые люди. По разговору видать... Хибетка у них свой человек в здешних лесах. Либо конокрады, либо разбойники. После спрашивали Хибета, кто в избе ночует. Как он сказал, что купец с ярмарки едет, я кинулся тебя будить. Да уж больно крепко ты спишь. Этак ограбят, а ты и не услышишь.

– Много их? – пришел в себя Булавин.

– В потемках не видать, а по голосам – человек пять или шесть, а может быть, и больше.

Захар стал всматриваться в окно. Дождь кончился. На небе ярко светили звезды. В лесу было темно. Черные иглистые ветви елей висели над рекой. По берегу, к мосткам – Захар различил – приближалась ватага людей.

На полатах завозился Трофим.

Булавин отвернулся от окна, пошарил под лавкой, нащупал сапоги, обулся.

¹⁸ Бельмэем – не понимаю (башк.).

Ямщик сидел здесь же на скамейке.

– Ну, Иван, – сказал купец, – наше дело держать ухо востро.

– Зря тревожишься, почтенный, – раздался с полатей голос лесника.

Он торопливо стал слезать, зашлепал босыми ногами по полу.

– Хибет – надежный парень. У башкирцев промеж себя свои дела идут, нам от них не беда. Не встречай их в темном лесу на хребте, а в моей избе от них худа не будет. Я их сейчас погоню. Вам, низовцам окаянным, – обратился он к ямщику, – всюду воры да беда, а сами-то... Ты не тревожься, Захар Андреич, я живо их успокою. – И лесник босой выбежал из избы.

В окне при свете звезд видно было, как он перешел мосток и присоединился к башкирам. Они долго разговаривали, размахивая руками, потом двое отбежали в лес, вывели лошадей. Башкиры вскочили в седла, и вся ватага поскакала через мосток к дому.

– Шабаш, Андреич, пропали!.. – завопил Иван и кинулся закрывать дверь.

– Будет дичать-то, – схватил мужика за ворот Захар. – Сиди помалкивай.

Всадники от мостка свернули в сторону и промчались берегом. Там, где протока сошлась на отмелях с главным руслом, перебрали реку, и вскоре их черные силуэты слились с дремучим лесом на другом берегу.

Трофим и Хибет возвращались молча. Оба прошли за угол избы.

Прокричал петух.

– Ну, слава богу, пронесло! – с облегчением молвил крестьянин. – А все-таки люди недобрые, да и за лешим-то Трофимом слава нехорошая ходит! Я сам не верил, думал, наша Низовка зря баласничают, ан и верно: с волками жить – по-волчьи выть...

– Либо съедену быть, – шутливо добавил Захар, довольный, что все обошлось благополучно.

Из сеней в избу вошел лесник.

– Хибетка где? – спросил Иван.

Трофим молчал. Мимо окна верхом на резвой лошаденке бойко проскакал вслед конной ватаге Хибет.

Захар проводил его взором и стал разуваться.

– Ложись, Иван, зря от тебя беспокойство, – сказал лесник и полез на полати. – Почивай, Захар Андреич, не тревожься. Я тебе говорю, спи спокойно.

– Спать-то спи, да глаз не смыкай... – ворчал в темноте Иван.

– Храпи, Низовка!..

В избе затихли.

Лесник поворочался на полатах.

– Наше место свято, – усмехнулся он.

Глава 2. Таш-Кушак

На другой день солнце перевалило за полдень, когда взмыленные, уставшие кони затащили тарантас Захара на вершину хребта под самые утесы.

Отсюда видно далеко вокруг. Внизу прогалины зеленели лугами, а дальше во все стороны тянулись бесконечные горные кряжи, сплошь поросшие дремучим краснолесьем. Только каменные венцы хребтов белеют над тайгой.

– После ненастья-то как выведрило... – обвел рукой небо Иван.

– А ну, остановись, – тронул его Булавин.

У него ноги затекли от сидения, и захотелось поразмяться.

По вершине хребта на много верст сплошным каменным поясом простерлись отвесные обнажения известняков. Башкиры в старину так и называли весь хребет: Таш-Кушак – Каменный Пояс. Через узкий естественный пролом в скалах проходила единственная дорога из города на завод. Около въезда в него под крутизной, в сырой тени угрюмого гребня и стала тройка.

– Обожди, Иван, я на Каменку испить схожу.

– Смотри-ка там... Михайло-то Иваныч в малинниках, поди, уж дожидает! – крикнул вдогонку кучер.

Встреча со зверями неподалеку от большой дороги в те времена на Урале не была редкостью.

Захар полез с дороги в чащу. Сначала он шел по высокой и густой траве, влажной от вчерашнего ливня. Полуденное солнце высушило деревья, но земля еще была мокрой и топкой, как болото. Кое-где попадались вывороченные бурей лесины. Ураган с бешеной силой свирепствовал вчера здесь, на вершине хребта.

Дойдя до приметной скалы, стоявшей особняком от гребня, как каланча у заводской церкви, Захар обогнул ее и забрался на россыпь. Это и была Каменка, широкая «каменная река» – лавина обломков скал, задавившая полосу хребта от венца до подошвы.

Захар по шуму воды отыскал скрытый под россыпью падун и, прыгая по замшелым плитам, двинулся вверх. Вскоре он достиг глубокого провала меж тусклых розовых глыб. На дне его бил родник и ускользал под камни к невидимому потоку, таинственно и глухо бурлящему где-то в глубине россыпи.

Булавин осторожно слез и, утвердившись на шершавых каменюках, стал пить и умываться. Тут до слуха его явственно донесся стук копыт и крики. «Что за чертовщина, – подумал Захар, – откуда тут люди взялись?»

Он осторожно выглянул из провала и осмотрелся. На обрывистом выступе гребня, как раз над Захаром, появился смуглолицый всадник в белом башкирском кафтане. Захар узнал его. Это был Могусюмка. К нему подъехали двое вооруженных башкир в мохнатых шапках. Один из них протяжно заклекотал. Все трое некоторое время всматривались в даль, переговариваясь между собой.

Из леса ответил рог. Всадники резко завернули коней, зарысили над обрывом по каменному гребню Урала и вскоре скрылись за скалами. А с другой стороны за россыпью, в чаще затрещал хворост, послышались голоса.

Захар торопился к тарантасу. Чтобы не выказывать себя трусом, он вылез из провала и пошел по россыпи, время от времени перепрыгивая с камня на камень.

«Нет, быть не может, чтобы они на меня напали. Разве только не узнают?» – подумал он и поежился, чувствуя, что, не разобравшись, могут влить заряд в спину. Тут он быстро перебежал по россыпи и прыгнул в чащу. Разыскал свой же след и по примятой траве пошел к дороге.

«Якорь его задери! Могусюмка у самой дороги стоит. Как бы не пограбил мои товары. Чем черт не шутит. Дружба дружбой, а табачок врозь. И ежели попадет им мой Санка с товаром, как бы не быть худу. Ведь раз на раз не приходится».

Захар вылез из зарослей на дорогу как раз в том месте, куда глядел, ожидая его, ямщик.

– Ну, Иван, давай погоняй! – сказал он, проворно залезая в кузов. – Трогай, да шибче.

– Эй, вы, эй, пошли!.. – подхлестывал кучер пристяжных.

Отдохнувшие лошади весело побежали по ровной дороге в ущелье. Черные, изветренные утесы, обросшие мхом и лишаями, повисли над головой. Через пролом выехали к другому склону. За грядой лесистых холмов стал виден завод.

Ярко синел просторный пруд, виднелись плотины с белыми водопадами, избенки рабочих. У моста густо дымит почерневшее от времени кирпичное «плавильное заведение» в две печи. За прудом, у нижнего поселка, на взлобке сопки деревянная церквушка с отдельной звонницей.

Верхнего поселка, где живут Булавины, за ближним лесом не видно...

– Ну, слава богу, скоро и дома, – молвил Иван.

– Обожди хвалиться, не доехал...

– Да уж тут рукой подать. Сколько мы с тобой, Андреич, отмахали?

– Да ты поторопись, Иван, поторопись.

Кучер подергал вожжой, помахал кнутом.

– Да, путь далекий... Бог милостив, авось целы-здоровы домой воротимся. Довезу тебя да подамся в Низовку. Давненько дома не был. Обозных дожидать не буду.

– Не боишься?

– Под Ломовкой кого бояться! Лихие люди нашу деревню объезжают... Конокрадов сами ловим. Лошадь пропадет – наши низовские под водой сыщут. Нынче и не слышать, будто бы потише стало на нашей дороге. Да и Низовка теперь не та, что раньше. Мужики ружьями обзаводятся. Только ружей хороших нет: не продают нигде. Да и народу прибавилось: богачи у нас работников держат.

– А башкиры батрачат? Мне Акинфий сказывал: башкиры к нему нанимались.

– Есть и башкиры, но более заводские. Завод-то ведь вот... Я мальчонкой был, так он с той поры все одинаковый стоит. Народу прибавляется, а работа все та же. Парни-то и идут к низовцам в батраки. Да... Низовка растет, богатеет. – Он щелкнул кнутом по оводу, впившись в холку коренника, потом сел на облучок боком. – А тебе, Захар Андреич, надобно бы лавку открыть у нас. Что твой Санка? Ну, заедет перед праздником. Покуда малец-то распряжет лошадь, да пообеет Низовку, да прокричит во все избы, что торговец приехал, – ан, товару-то и нету... После за всякой мелочью низовцу опять в завод на базар собираться.

– Народ у вас, Иван, неладный, – хитро сказал Булавин. – Мне еще отец покойный заказал беречься, как поеду торговать с Низовкой.

– Что ты, Андреич, да разве отцова торговля тебе пример! Старик, царство ему небесное, слова худого о нем не скажу, хороший был человек, но против тебя куда мельче в торговом деле. Ему лавкой хозяйничать, а твое дело – магазин! А про низовцев напраслину несут. Нет чтоб осмотреть нашу жизнь толково, понять, как она течет, как это деревня обзаводится скотом, конями. А урман корчем, пашни на диких угорьях пашем, лесовщину рубим... уголь жгем... Но, конечно, уж зато за свое добро подеремся, не трожь...

– А лонской¹⁹ год, сказывают, косняков сгубили. Это дело, за свое добро стоять, а проежего в куль – да в омут.

– Напраслина, Андреич! Лонской год ничего такого не было. Давно этот грех, конечно, был когда-то, не скрою, переходца сибирского порешили. Ну, да то человек разве? Такая зве-

¹⁹ Лонской – то есть прошлый.

рина. Он тебя в урмане-то сам за ломаный грош убьет. Да и давнина-то это стародавняя. А про ярославцев зря толкуют. Они сами кого хошь обидят! Ну, дело молодое, наши ребята разбавались, да и шибанули их... Только все обошлось. Заказали им стороной ездить. А чтоб не забыли заказа, отвезли в деревню да при народе маленько постегали...

– А товар отняли?

– Да какой же у них товар! Кольца, ножи да косы. Одно слово, что товар. Пятеро купцов на пустом возу товар везли...

– Что же с тех пор косняки в Низовку не заглядывают?

– Все равно бывают, везут! Приедут, на шумят, накричат, а после скот падает, коровыдохнут... Ехали как-то Великим постом трое. «Откуда?» – спрашиваем. «Елабужские, – говорят, – синильщики, едем к башкирам холсты красить». «А где же куб у вас, в чем синить-то будете?» – «Куб, – говорят, – у нас еще с прошлого лета у башкиров остался. Там вся красильня». Ну и не стали мы их задевать.

Не согрешили в Великий пост. А после, язви их в душу, мор на скотину напал. Напустили! Вот и не трогай их в другой раз! Знаешь, переходцы всякие бывают. Иной только зовет себя торговцем и разговором на офеню похож, а на самом деле вор, конокрад, или с дурным глазом, или болезнь у его на лошади. Нечистый-то дух тоже не дремлет! Оттого, Андреич, нам полный расчет иметь своего купца, чтоб чужие мимо Низовки не шатались. Мы бы их живо отвадили. Есть, конечно, и в Низовке охотники торговлю открывать. Только дело это неспособное, какие они торгошники! Да и собираются долго. Вот один из ярославцев у нас на богатой девке женился. Смотри, упустишь, большого дохода лишишься. – Старик отвернулся и стал править на переезде через ключ. – Думай, Андреич... Санка твой сколько ни ездил к нам, цел остался. Расчет у нас лавку ставить.

– Обдумаю, после в Низовку заеду, на месте потолкую со стариками.

«Дернуло Могусюмку не вовремя бродить возле тракта, – думал Захар. – Долго его не было, а нынче опять объявился. Конечно, ежели у них, как Трофим говорил, промеж себя беспокойно, то обоз пройдет, хотя случиться может всякое. Надежда на Санку с мужиками. Я еще подумаю, да, может, найму людей, да сам выеду обоз встречать. Могусюмке мой товар не надо бы трогать. Он в лавку ко мне ходит, хорошо мы с ним обходились. С Санкой они чуть не приятели, и меня он знает».

...Однажды летом в магазин Захара явился Могусюмка. Он высокий, смуглый. Вошел и уставился как вкопанный на товары. Санка заметил его и учтиво спросил:

– Чего вам показать?

Башкирин помолчал и, склонив набок голову, приглядывался к штуке дорогого малинового шелка. Приказчик снял ее с полки и развернул чуть ли не во весь прилавок.

У Могусюмки глаза блеснули. Лицо его, круглое, доброе и серьезное, зарделось.

– Сколько аршин отрезать? – весело спросил Санка.

Могусюмка посмотрел на приказчика, потом на Захара и задумался, наморщив лоб. Вдруг он повернулся и спокойно пошел из лавки: видно, был не в духе.

– Эй, стой, обожди! – крикнул Санка. Бойкий торгошник, он никого не боялся, когда имел хороший товар под рукой, и не желал упускать случая познакомиться поближе с Могусюмкой, чуя, что дружба с ним пригодится. – Поди-ка сюда! Да иди, иди, подходи, не бойся. Акша йокх?²⁰

– Йокх! – решительно ответил Могусюм и покосился на шелк. В добром и кротком на вид башкирине трудно было угадать отважного удалыца.

²⁰ Акша йокх? – Денег нет?

– Ну ничего... Мы тебе желаем уважение сделать, как много слыхали про тебя. Я тебе отрежу материи, а деньги, когда будут, привезешь или передашь мне через своих. Ты только посмотри, ну, посмотри, какой товар! Якши, что ль?

– Ладный! – мотнул головой башкирин.

Санка отрезал конец в аршин десять, свернул, подал:

– Держи, скоро бусы привезем, кольца... Приходи бабе выбирать...

Так и отпустил Санка на свой риск десять аршин малинового шелка. С тех пор Булавин не видал Могусюма. «Не может быть, чтобы обманул он приказчика... Ну да бог с ним! Это, может, и к лучшему».

Начались заводские пашни.

– Нынче заводские тоже больше хлебов засеяли. Прошлый-то год на этой поляне пустошь была, – заговорил Иван.

– А у вас больше сеют?

– У нас больше. Хотя сказать, что много, нельзя. Вот нынче в степи повидали с тобой хлеба!.. Недаром степной хлеб дешев...

Низовцы не только пахут землю, но и рубят лес, для завода и промышленников возят руду, осенью жгут уголь в огромных «кучах», а зимой возят его в коробах на завод. На низовских богачей батрачат башкиры. Заводская беднота ищет в Низовке кусок хлеба, трудится там за харчи.

По манифесту и по новым законам бывшие горнозаводские крепостные делились на два сословия: на мастеровых и сельских работников. Крестьяне окрестных деревень, Низовки и Николаевки, в недавнем прошлом такие же крепостные, как и заводские, записаны были в сельские. Они стали пахотными крестьянами и получили у завода землю в аренду. Появились в Низовке богатенькие. Некоторые низовцы стали кабалить башкир. Некоторые искали золотишко, зимой ходили на лис и на белок. Были богачи, которые все это старались скупать, чтобы перепродавать.

Заводские жили похуже низовцев.

После манифеста они не хотели принимать уставную грамоту, по которой следовало мастеровым платить за землю, считая землю эту своей собственностью. Земля нужна была им прежде всего, чтобы косить сено и кормить скот. Почти все пахали, сеяли хлеб, и это было большим подспорьем. Деньги, даже самые малые, были в те времена редкостью в кармане заводского. Объявили, что придется ему самому платить за покосы, и за пашню, и даже за ту землю, на которой стоит усадьба. Правда, объяснили, что за землю надо отрабатывать на заводе.

Начались волнения. Завод встал, люди не выходили на работу. Только домна дымила, как и прежде.

Шли разговоры в народе, что надо бросать старые места, уходить в степь, в орду, или к князьям-башкирам, или к казакам, там пахать землю, а мастерство бросать: оно никому, видно, не нужно.

Но все же народ остался на месте, не покинул родного завода. Лишь немногие ушли. Но завод стоял, и народ волновался, пока управляющий не объявил льготу заводским. Им разрешили два года пахать и косить те участки, что занимали они издревле. После этого все стихло. Завод заработал. Потом эту льготу продлили еще на несколько лет...

– А я, Захар Андреич, – повернулся Иван на облучке, – на старости лет жениться надумал... На Агафье Косаревой... Мужик-то у нее уж два года как помер, а баба еще подходящая. Нынче вернись – свадьбу сыграем.

– Низовская? – спросил Захар.

– Как же, наша деревенская, – с гордостью проговорил Иван.

– Тебе лет-то сколько?

– Шестой десяток. Да ведь сказывают: годы – не уроды... Ты не гляди, что у меня борода седая. Ребята женаты, отделены. Сам хозяин.

Сзади послышался топот копыт. Захар встревоженно обернулся. По дороге скакал конный башкирин. Он быстро приближался. Это был здоровый парень в домотканой кубовой рубахе и в круглой мохнатой шапке. Он поравнялся с тарантасом и спросил Булавина:

– Большая лавка на заводе, ты хозяин?

– Я хозяин, – насторожился Захар.

Иван остановил лошадей.

– Могусюм догонять велел. – Он достал из шапки кошелек, туго набитый, и протянул Захару. – Бери, твоя лавка другой мужик есть, приказчик, что ли. Могусюмка говорил – ему отдай...

Захар расстегнул кошелек. Там были большие серебряные рублевые монеты. Могусюмка прислал много денег, гораздо больше, чем стоила материя.

– За что это ему? – спросил Иван.

– Могусюмка долг прислал, так, что ль? – обратился Захар к башкирину.

Тот кивнул головой, ударил ногами свою бойкую горбоносую кобыленку и во весь мах поскакал обратно. Потом, обернувшись, осадил коня и крикнул по-русски:

– Эй, прощай!

– Прощай! – отозвался Захар, приподнимаясь в тарантасе.

Башкирин ускакал. Тройка снова двинулась. Вдали за березами показались избы.

– Только денег-то тут больше, чем надо...

– Видно, разбогател разбойник. Ты, Андреич, выброси кошелек-то. Не дай бог хозяин найдется... Знаешь, ведь их дело такое...

– Как это ты, Иван, башкир боишься? Разве у тебя у самого нет друзей-башкир?

– Пошто боюсь! Есть у меня друзья, ну так то шигаевские, соседи... Изятка, Вахрейка, Кунабайка!

– А ты думаешь, шигаевские с Могусюмкой не ходят? Хибеткин-то отец и ваши-то шигаевские – родня. А Хибетка, видать, Могусюмкин джигит.

Иван приумолк. Он кое-что знал, но помалкивал. Он на кордоне более беспокоился за купца, чем за себя.

«Значит, видели нас, как мы проезжали, – подумал про себя Захар, – но не тронули. Тогда и обоза не тронут». И проговорил вслух:

– А все-таки Санка мужик со смекалкой...

– Как же, при торговом деле, – отозвался Иван.

Захар знал, что среди бедноты башкирской считается Могусюмка не разбойником, а удалим защитником народа. Много разных рассказов ходило про него.

«Гордый он! Свой характер выказывает: мол, не понимай обо мне плохо!»

«Может, понял, что струсили мы, что боюсь я за свой обоз, и вот пожелал показать, что совсем не разбойничает, что не надо бояться».

– Вот бы дружбу завести с таким человеком, – сказал Захар.

– Что ты! – отозвался Иван.

– А чем же плохо?

– Твое дело: я бы не рискнул. – И добавил как бы в оправдание: – А у нас соседи славные, так почему бы не дружить.

– А я слыхал, вы у них землю отымаете?

– Не затрагиваем, напраслина! Дашь ему чая, он на лето поляну продаст, сено скосим. Только Акинфий – они жалуются – обижает. Межу будто показывает не там... – осклабясь, сказал старик потихоньку и виновато, словно боясь, что даже здесь, в лесу, Акинфий услышит. – У него зять – ярославец. Был коробейник, грамотный, а теперь вот второй год женился

и поселился в нашей деревне. Они с тестюшкой доносы на башкир пишут и возят в город, доказывают, что башкиры земель неверно володают.

Глава 3. Помочь

В полуверсте от поселка тройка нагнала седого деда с топором за лыковой опояской. Когда тарантас поравнялся с ним, старик снял шапку, поклонился Захару.

– Откуда, дедушка?

– Под Малиновые кручи ходил, нынче у «верхового», у Оголихина, помочь.

Оголихин был старшим из мастеров, «верховым», как его называли, и, по сути дела, управлял всем заводом.

– Рубили бревна для заплота...²¹ – продолжал дед. – Новую избу ему ставим... А ты из города, что ль?

– Из города, – ответил Булавин. – Чего в заводе, все ли благополучно?

– Слава богу, все спокойно.

– Залезай в тарантас, подвезу.

Иван обернулся, поглядел на старика.

– Придержи коней, – велел купец.

Дед, путаясь в долгополом армяке, полез в короб.

– Чего это он тебя с помочи рано отпустил?

Старик уселся поудобнее, вытянул босые ноги, потом обернулся к Захару и деловито возразил:

– Другие еще и завтра домой не уйдут. А я топорик со вчерашнего дня поточил, да и работал с самой зари. К полудню еще разок поточил да опять работал. Глядишь, и урок справил.

– Ветки, что ль, срубал?

– Пошто ветки? – обиделся старик. – Самые боровицы валил васейка²². Максим Карпыч мужикам сказал: мол, гляди, как водяной лесины сшибат.

Дед Илья уж много лет как был переведен от кричных молотов²³ на легкую работу – подавать воду для работы колес, за что его и прозвали «водяным».

– Смотри, тебя Оголихин-то обратно к молотам поставит. Старик, мол, еще крепкий, ранее молодых уроки в лесу справляет. А нынче, говорят, на кричных того мастерства уж нет.

– Э-э, зря говорят! – Старик снял шапку, утер потную лысину. – Нынче на заводе такой мастер работает, что еще никогда такого и не было. Он когда кует полоской-то, как игрушкой играет – одно загляденье! У него и железо-то получается не то, что у нас.

– Ты о Гурьяныче, что ль?

– О нем о самом.

– Ну, вот только что он! А другие-то так себе...

Берегом глубокой размывины тарантас подъезжал к поселку. За оврагом на возвышенности тесно лепились друг к другу бревенчатые избышки с прирубными сенями и бревенчатыми заборами.

Окошечки в избенках маленькие, квадратные, с широким одностворчатым ставнем.

– Гляди, какие хоромы Максим Карпыч воздвигает!

Захар стал смотреть в сторону, куда показал дед.

– Вон какой вылез!

Из-за изб подымалась крыша нового дома. По ней лазали мужик и мальчонка. Они наби-вали на балки железные листы.

²¹ Заплот – забор, деревянная сплошная ограда из досок или бревен.

²² Васейка – давеча.

²³ Кричный молот – водяной (кричный) молот для отжимки, проковки железных болванок.

– Быстро отстроил, – я на ярмарку уезжал, только еще сруб начал ставить.

– Всем заводом работаем. Максим Карпыч все торопит. Каждый день помочь да помочь... В очередь артельно ходим. Видишь, и до меня, старика, добрался.

– Угощает за помочь или задаром? – вмешался в разговор ямщик.

– Когда как. Ежели заплотник вовремя на место доставят, сказывал, будет угощать. – Старик горько ухмыльнулся. – А когда не угощает. Знаешь кулачище-то у него! – И с сожалением добавил: – Этак ему дом-то задаром поставили. Выбивает из народа этот дом. Колотит мужиков. На побоях растут хоромы-то.

– Вроде барщины! – возмутился Иван. – Какая же это помочь?! У нас на селе помочь – дело соседское, полюбовное. Избу ли строить, пашню ли убирать, враз соберем мир. Кто сам не выйдет, батраков пошлет. А это какая помочь? – махнул рукой Иван.

– Кабала! – сокрушался «водяной». – Да мне што! Я старик – все стерплю. Пусть-ка другие стерпят. Я не такое видал!.. У нас в заводе говорят: «Вот тебе и воля! Заместо барина на своего мужика батрачь». Барин-то на этакие проделки не пускался. И все грозит: мол, я вас кормлю, платы с вас за пользование заводской землей не беру и земли ваши, мол, не обмериваю. Век мне будете благодарны.

– Видишь ты!..

– Как же! Он, верно, с землей уж не теснит народ.

– В Низовке и то, слышать, про него сказывали: живет богато, полтораста сарафанов за старшей девкой приданого дает.

– Верно слово, – подтвердил дед. – А какие сарафаны!.. Бабы-то уж видали, про это все говорят. Управляющий-то у него в кулаке. Он всем верховодит.

Тарантас задребезжал по деревянному мостику через овражек. Въехали в поселок. Гуси, гогоча и хлопая крыльями, разбегались в стороны. Заводские собаки кидались с лаем под колеса: учуяли низовских коней.

«Все меняется», – думал Захар.

Он слышал, что скоро на завод привезут машины. Когда-то здесь работала паровая машина, но недолго. Механик не мог ее исправить и уехал. Второй год шли слухи, что везут новые машины. Но поговаривали и о том, что хозяин, живший в Петербурге, хочет продать завод.

– Сказывают, на Авзянском заводе кричные уже сломали, – заметил дед, как бы догадываясь о мыслях Захара.

– Ну что ж, что сломали, – отвечал Захар. – Люди к паровому молоту пойдут.

– Ну, спасибо, Захар Андреич, – сказал «водяной». – Прикажи остановиться.

Тройка встала. Дед вылез, поблагодарил Булавина. Ямщик тронул коней.

– Раб Христов, – показал он кнутом вслед деду, ковылявшему в переулочек. – Видишь, он какой? Мне, говорит, все равно! Я, мол, все стерплю! Пусть-ка другие стерпят! На других надеется, что их скорей проймет, чем его. Вот так каждый и терпит. Народ-то и дуреет от таких терпелок. А кому надо, с этого руки греют...

– Ты подкати-ка веселей, – перебил его Булавин.

В этот миг, когда он подъезжал к своему дому, про разбой и безобразия Оголихина думать молодому купцу как-то не хотелось. Наоборот, думалось Захару, что все идет хорошо, все правильно, к пользе народа. Он полагал, что и своей торговлей делает он благодеяние для крестьян. Правда, разные слухи шли по заводу и про Захара. «Но кто не знает, – думал он, – что отец горбом все наживал. Нет, мои деньги не лихие!»

Иван поднялся с облучка, натянул левой рукой вожжи, правой настегал коней.

– Э-э-эй, пошли!..

Тройка понеслась вскачь. Старик правил стоя.

Выехал на Широкую. Улица эта действительно была широкая и прямая. Стали попадаться бабы в синих кубовых сарафанах²⁴. На плечах у них коромысла с обручными деревянными ведрами.

По правую сторону на красном порядке высился пятистенный дом Захара.

Иван еще раз хлестнул кнутом по пристяжным, и тройка подлетела к шатровым воротам. Кучер осадил коней. Из калитки выбежала светловолосая молодница. Она кинулась к тарантасу.

– Захарушка, вот и прикатил! – восклицала она. – Вовремя!

– Здравствуй, Настасья. Иван, захвати вещи.

Пошли во двор. Настасья подбежала к плетню, кликнула в соседний двор:

– Феклушенька!

– Чего тебе, Настасьюшка? – отозвался молодой женский голос.

– Захар Андреич приехал. Беги живо, посмотри баньку да самовар готовь!

Феклуша была женой приказчика Санки. Поженились они несколько лет тому назад. Избу поставили рядом с новым домом Захара. Санка торговал у Булавина, Феклуша помогала Настасье по хозяйству.

– Лечу, лечу, живо, – отозвалась она.

Баня была далеко, за большим белым амбаром, сложенным из похожих на мрамор каменных плит.

В избе Захар перекрестился на образа, помолился об окончании пути.

Изба у Захара сложена из толстых лиственничных бревен, небеленая внутри. Настасья моет стены, как пол. Балки на потолке и брусья стен свежи, всюду светло-желтая, ровно выструганная, как полированная, лиственница.

Просторная горница и кухня обставлены дубовыми скамьями и столами, на стенах расшитые полотенца.

Вошел Иван. Принес сумку, чайник, охотничье ружье, чепан.

– Я уж не стану задерживаться, – сказал он.

– Садись, получай расчет...

Купец и ямщик уселись рядом на лавке. Захар отсчитал деньги, отдал крестьянину.

– Вот тебе за разгон, как уговаривались.

Иван нахмурил лоб и, видимо, с трудом подсчитывал деньги.

– Правильно, что ль?

– Верно, Захар Андреич, правильно будет.

Тогда Захар высыпал в ладонь медных денег, побренчал ими и отдал Ивану.

– Держи, ребятам на пряники. После будешь на заводе, заезжай в лавку, тебе материи отрежу. Рубах сошьешь к свадьбе, – пошутил Захар.

– Благодарствуем, – низко поклонился Иван. Бородатое лицо его при упоминании о свадьбе расплылось.

Старик спрятал деньги за пазуху и подтянул кушак.

– Спасибо, Андреич. В Низовке будешь, милости прошу. А совет-то мой не забывай. Лавку у нас открыть – прибыльное дело.

– После заеду, посмотрю.

– Ну а куда прощенья просим. – И Иван вышел из избы.

В окно было видно, как он подбежал старческой трусцой к тарантасу, завалился на сено и, нахлестывая тройку, помчался вниз по Широкой.

²⁴ Кубовый сарафан – это наплечная одежда комплекса русской женской одежды северных губерний России: Архангельской, Новгородской, Псковской, Тверской, Костромской, Северодвинской, а также некоторых центральных – Нижегородской, Смоленской и др.

Глава 4. Настасья

– Ну, рассказывай, чего тут у тебя? – спросил Захар.

Настасья присела рядом.

– Мы с Феклушей тревожились: на дороге-то, сказывают, шалят.

Захар улыбнулся счастливо, оттого что жена за него беспокоилась.

– Ты не бойся, – сказал он гордо. – Я ведь не один, да и с оружием. А я тебе гостинцев привез!

Булавин вытащил зеленую атласную коробочку. Щелкнул замком. Крышка отскочила, и внутри на черном бархате зазолотилась пара сережек, украшенных алыми камнями.

– Получай!

Настасья бережно взяла коробку и стала рассматривать подарок.

– Камешки-то красные, самоцветы, горят на свету. Играют... – И подумала: «Оголихинские бабы теперь изведутся с зависти».

Захар достал из сумки азиатский платок, затканый золотыми птицами и голубыми цветами.

– А сахару-то привез? – спросила Настя, не желая ни выказывать особого интереса, ни восторгаться подарками. – Я тут с бабами все по ягоды ходила.

– Мешки идут в обозе.

– У меня-то есть еще, а бабы досаждают со всех сторон. Новые-то богачки! Оголихина все сахару да сахару просит. Хочет варенья наварить на всю зиму, сладкое-то любит. Раздобрела, как корова.

– А вот в хребет-то ты напрасно ходила. Слыхала про людей недобрых, а поостеречься не догадалась.

– Да, слышь, у нас под заводом только Могусюмка ходит. А он заводских не трогает. А еще говорят – с Гурьяном побратались они.

– С Гурьяном? – спросил Захар, и глаза его блеснули.

Настасья заметила это и чуть-чуть покраснела.

– Мало ли что говорят, – сказал муж. – А вдруг позарятся на русских баб, как раз и украдут. Увезут в степь да продадут.

– Бойки у нас бабы-то, – лукаво улыбнулась Настасья, как бы не решаясь что-то рассказать мужу.

– И то не беда. Пусть их! Дома-то строгость!

– Как же! Дома все смирны. Грозен тятенька, а муж еще грозней! – держа в руке подарки, но не глядя на них и смеясь из-за плеча, сказала Настасья.

– Как же, – отозвался Захар, – так и надо.

– А Гурьян-то, – продолжала Настасья, – все под окнами у нас ходит... Глядит – того и смотри, что глазами бревна прожжет...

– На наш дом глядит? – встрепенулся Захар.

– А в лесу-то встретились с Гурьяном, – продолжала жена. – Так мы уж сторонкой, сторонкой, да поскорей и убрались.

– Так он и в лесу вас встретил? – ревниво спросил Захар. – Сильно он вас испугал?

– Ах, да что ты! Чем же он напугает? Он такой смирный, он никогда слова худого не скажет! Он смешной...

Захар стал рассказывать, как башкиры догнали его на дороге и отдали долг.

Вошла Фекла, жена приказчика Санки.

– Здравствуй, Захар Андреич! С приездом! Как мой-то там? Жив или его уже в лесу зашибли?

– Жив, здоров. Он с обозом отстал, скоро будет.

Феклуша – женщина молодая, но изможденная работой и постоянными родами.

После бани и обеда Захар сходил в лавку.

По случаю его возвращения собрались знакомые, мастера, торговцы, лабазники. Расспрашивали про ярмарку, про цены на шерсть и железо, про волнения в киргизской степи.

– Это все Хива мутит. Смущает этих мусульман, – говорил Терентий Запевкин, зажиточный заводской мастер, ушколицый, лысый, с окладистой бородой, которой заросло все его лицо, только виден острый и кривой горбатый нос да узкие глаза.

– Есть знак и на Хиву, и на турок, – говорил Захар. – Мне сами же азиаты рассказывали, что из Турции святые выпущены, чтобы смущать мусульман против русских.

– Сколько волка ни корми, он все в лес смотрит, – молвил густым басом Прокоп Собакин, тучный бородатый мужик с обрюзгшим, багровым лицом.

– Змея укусит, – подтвердил Запевкин.

– Ай, ай, худой человек! – заговорил татарин-торговец Рахим Галимов. – Худой человек...

– Зашел я в городе в азиатскую харчевню, – рассказывал Захар, – с товарищем, с киргизом. Смотрим, сидят татары, киргизы. Какой-то человек, похожий на хивинца, глаза, как у ястреба, что-то рассказывает. Я киргиза спросил: «Что он говорит?» А этот киргиз, старый мой знакомый, еще отцу коней продавал, он мне перевел, что, мол, говорит, как на стене кафтан висит, так, мол, все русские висеть будут.

– Ну а ты что? – с чувством спросил худой заводской мужик Кузьма Залавин, сидевший у порога на корточках.

– Ай, ай, худой человек! – восклицал Галимов. – Такой человек хватать надо, тюрьма сажать.

– Я подозвал хивинца к себе и спрашиваю: «Что, мол, ты сейчас говорил?» Он сразу струсил, согнулся. Мы с киргизом посмеялись и пошли прочь.

– У меня бы не ушел, – заметил Прокоп.

– Турция мутит, – сказал Запевкин.

– Только башкиры-то не подымутся против русских, – отозвался с порога Кузьма.

– Москвичи говорят, что война с турками будет, – подхватил Захар.

– Ну а что в степи? Что слышать? Хан-то киргизский...

Пошли разговоры про пограничные новости. Захар рассказал, что будто бы собираются отправлять войска на Хиву.

– Это ведь уж двадцать лет все говорят: мол, на Хиву, на Хиву, – да никак не соберутся, – отозвался Собакин.

Потом разговорились про заводские неполадки: шел слух, что скоро будет новый хозяин, что льгота, данная на землю, кончается и больше ее не продлят.

Вечерело.

Мимо проехали ребяташки на конях, подняли пыль, и она стояла облаком в воздухе. Вдали синели низкие волны хребта.

Люди толковали о делах, ждали каких-то событий. Жилось скучно и однообразно, и ум хватался за всякую новость. С самого дня отмены крепостного права все чего-то ждали: кто лучшего, кто худшего. Богатые заводили оружие и замки покрепче и старались вот в такие вечера держаться дружнее, хотя в иное время сами готовы были перегрызть друг другу глотки.

Вечером Захар пил чай со свежим вареньем. Слышались глухие удары кричных молотов на заводском дворе. Настя и Феклуша разбирали огромную кучу ягод, ссыпанных из опустевших, докрасна измазанных соком корзин.

А утром, когда Захар ушел, к Настасье собрались бабы.

Настя, коренастая, с широким белым веснушчатым лбом, с румянцем на тугих щеках, со светло-русой, по-девичьи тяжелой косой чуть не до полу, вертелась у зеркала, прикладывая то к груди, то к плечам, то к коленям цветастые материи, привезенные Захаром. Без мужа держалась она куда смелей, смеялась и шутила.

Накинув на плечи кусок шелка, пробежалась по избе мелкими шажками, шлепая босыми ногами по полу, поджимая губы, закатывая глаза и фыркая то направо, то налево.

– Ах, оставьте меня, пожалуйста! Я не заводска, не деревенска, а слободска, городска, оренбургска! Ах, не щиплите меня, не троньте, не щекотите! – взвизгивала она, а бабы показывались со смеху.

Все они с удовольствием смотрели, как ловко Настя изображает городскую щеголиху.

Глава 5. Гурьян

Над рекой, над обрывом старый барский дом с фронтоном и колоннадой, оградка, сад. Ржаво-желтые кремнистые утесы падают от его изгороди прямо к воде. А дальше по берегу сосновая роща, потом березник. Река как бы опоясывает тут всю гору с Верхним поселком, барским домом и с березовыми и сосновыми рощами. Внизу плотина и рядом с ней мост, по которому рабочие ходят на завод. А на той стороне видны доменные печи, сараи, склады, груды руды.

Слышится пение рабочих, тянут «Дубинушку». У моста забивают сваи.

Кипят водопады у плотины на сливном мосту, а дальше река несется вся в пене, бушует и волнуясь, как на камнях.

Правей огромный синий пруд, а за ним Нижний поселок – целое море сухого почерневшего дерева, дощатых и бревенчатых крыш и заплотов.

А за поселком темно-зеленые горы в густых сосняках, а дальше – горы синие, а еще дальше – голубые.

Настя знает, что река Белая вытекает из тех хребтов, что там дремучие леса и в них курени. Там жгут уголь. В горных долинах – луга. Скоро на покос ехать. Захар и Настя сами косят. Фекла и Санка поедут с ними. Там углежогам томят в кучах уголь для заводских печей, и когда едешь на покос, то навстречу попадаются длинные обозы. Черномазые рабочие везут уголь на завод в коробах или прямо на широких телегах. На заводе все нравится Настасье.

Росла она у отца на степной заимке, носилась по ковыльному полю на диких конях, пахала, жала, ходила за скотом. Никогда не видала она завода, а на синие горы за степью смотрела, бывало, только издали. Чуть виднелись они слабыми полосками, как восходящая туча.

Настя с детства слышала от отца про железные заводы. Бывало, с уважением толковал он про людей, умевших отковать и плуг, и нож, и оружие.

На заводе жила ее тетка. Однажды летом собралась к ней Настя погостить – и зажила. Отец не неволил любимую дочь. «Коль нравится, пусть погостит у тебя», – передавал он сестре с попутчиками.

Настя живо познакомилась на заводе с девушками. В березовой роще у ограды господского почти пустого дома собирались они летними вечерами, пели старые песни. Новые, мещанские, городские еще не дошли до глухого завода.

Бывало, стоит Настя над обрывом и подолгу смотрит на зубчатые горы, на широкий пруд, слушает звон и лязг, несущиеся с той стороны реки из-под широких черных заводских навесов на столбах.

«А у нас в эту пору все солнцем пожжет, степь пожелтеет», – вспоминает она, и сердце нет-нет да и затоскует по скудной, но милой и родной сторонке. А с завода уехать не хочется.

Запоют девушки плясовую, и выступит Настя, выйдет в круг, разведет концы платка, и уж все взоры на ней.

Заводским парням понравилась Настасья. Они приносили ей гостинцы, звали погулять. Настасья гостинцев не брала, от подруг не отходила. Парни играли ей на балалайках, выбирали в хороводах.

– Ты еще на заводе поживешь – тебе от наших парней отбою не будет, – насмешливо говорили ей подружки.

– У нас женихов отбиваешь, лучше поезжай к себе в степь, – полушутя говорила маленькая, пухленькая Олюшка Залавина.

– А что это звенит? – вдруг насторожившись, спрашивала Настя.

– Это кричный молот бьет. Да разве ты не знаешь?

– Да тот раз будто не так бил.

- Тогда мастер не тот работал. Каждый по-своему! Это Гурьян Гурьяныч робит.
- Посмотреть бы!..
- Эка невидаль!
- В заводе дым, копоть, окалина.
- Я в степи жила, кроме киргизов и верблюдов, ничего не видела.
- Хочешь, так ступай на завод робить. У нас есть девки-коногоны.
- В заводе не робила, так люблю тебе. А ты бы по-нашему с тачкой... Мы гоняли!
- Слава богу, что вырвались!
- При крепостном бы век скоротали в этом заводе.

В пруду поднимали воду. Плотину закрыли. От сливного моста Белая текла слабым ручьем. Из-под воды выступили камни.

Под вечер, в праздник, под скалами, у самой дороги, рассевшись на траве и на камнях, парни играли на бандурках и горланили песню.

- Ах, как тонко Мишутка выводит! – восхищалась Оленька. – Он у нас в церкви поет.
- Пойдемте к нам, девушки, – звали парни. У них наверху составил свой хор.
- А Мишка нравится тебе? – спрашивала Оля у Настасьи.
- Нет!
- И все ей не нравятся!

Подруги пошли вниз к мосту.

- Так не люб тебе Мишка? – допытывалась Олюшка.
- Нет, не люб, – отвечала Настя. – А вот это кто идет?
- Это с кричных...
- Твой жених идет! – с насмешкой крикнула Ольга, и девушки бросились врассыпную.
- Берегись его! Это Гурьян Гурьяныч, сейчас забалует... – закричали они Насте.

С моста в гору брел черный от копоти темно-русый лохматый мужик богатырского вида, в рваной, прожженной одежде.

Настя не побежала. Она искоса улыбнулась, глядя на заводского мастера. Тот раскрыл глаза широко, сверля ее взором, а она, закрывшись краешком платочка, вдруг прыснула со смеху. Лохматый молодой богатырь, пройдя несколько шагов, остановился и оглянулся назад.

- Настя, беги! – кричали рассыпавшиеся по скалам девушки.

Но Настя не уходила. Чуть не целую минуту стояли они, безмолвно глядя друг на друга. Настя – стройная, с лицом бело-розовым, тугим, что называется, кровь с молоком, с кораллами на белой шее, с делано наивным, озорным взглядом голубых нежных глаз. И Гурьяныч – лохматая и темная громадина, словно куском черного железа выкатившийся от всех этих гремящих за рекой печей, из-под навесов.

Настасья прошла мимо, не глядя на Гурьяныча. И тот, как бы удивившись чему-то, покачал головой и пошел своей дорогой.

- Так что же его бояться? – все с той же наивностью спросила подружек Настя. – Он совсем не страшный.

– Вот так «не страшный»! Это тебе обошлось! погоди, он забалует в другой раз, сажай измажет. Ты не гляди, что у него борода, он еще молоденький, только лохматый, как медведь, из него волос лезет, как из зверя.

- Видишь, его прозвали Гурьяныч, как мужика, хоть ему еще и с парнями можно на улице водиться.

Девушки рассказали, что Гурьян в самом деле молод, ему еще нет и тридцати, и что жил он со старухой, дальней родственницей, да та померла.

- У них вся семья перемерла. Сам он из староверов, но с башкирами якшит – дружит, по-нашему. Свою старую веру позабыл, только за бороду еще держится.

Настя уже слыхала, что староверы с башкирами сходятся; для них что никониане, что мусульмане – один черт.

– Ох, он и здоровый! На ярмарке медведя поборол.

– На пруд купаться ходит. Люди видели, рассказывают, как медведь, смотреть страшно, – рассказывала Олюшка.

– Ах, стыд какой! – завизжали девки.

– Этот Гурьяныч, по прозванию Сиволобов, – первый мастер на заводе и всех старых превысил.

– Он не вдовый? – спросила Настя.

– Нет, холостой... А тебе что?

– Да просто так, – не смущаясь, ответила Настя.

– Нет уж, видно, тебе понравился.

Тут Настя покраснела.

– Как, не боишься?

– Да он, видать, смирный.

– А погляди, как он на башкирских праздниках бушует. Начнет на сабантуе бороться, кидает людей о землю.

– Ты не видала, как башкиры на празднике с завязанными глазами палками бьют горшки? Это у них разные игры такие. Башкиры орут, обвяжут ему лицо – смотреть страшно: все боятся, что он подглядывает. Все равно Гурьян как дубиной размахнется – черепки летят.

– Что же тут худого?

– А ты что заступаешься?

– Да просто так.

– Вот смотри, скажем ему...

– На гулянку придет – половицы ходуном ходят. У Залавиных на свадьбе топнул – доски в подполье продавил.

На другой день Гурьяныч, умытый, в новой рубахе, пришел, сел на камень на лужайке и стал смотреть на девушек.

– Ты только не балуй, – говорили ему.

Он смешно почесал бороду.

– Жениться будешь? – под села к нему Олюшка. – Возьми меня. Нравлюсь?

– Все хороши...

– Эх, Гурьян, что я знаю... Хочешь, тебе скажу? Только смотри молчи, не подавай виду. – Олюшка прыснула.

Лицо Гурьяна обмякло.

– Ну, скажи, скажи, чего давишься?

– Куликовых племянница в тебя влюбилась... Настька! Ей-богу!

Олюшка лукаво взглянула на мастера.

– А тебе нравится она?

Гурьяныч нахмурился и вдруг, подняв лицо и почесав нос кулаком, подмигнул.

– Еще не знаю! Надо приглядеться.

Однако заметно было, что он сильно смущен.

Девушки обступили его.

Ольга вдруг схватила Настю и подтолкнула ее вперед.

– Ну вот, посиди с ним.

Девушки быстро переглянулись и вдруг со смехом разбежались во все стороны. Даже обычно смирная Катюша Запевкина, сидевшая напротив Гурьяныча на другом камне, сорвалась с места и умчалась на скалы, как горная коза.

– Посидите вдвоем! – радостно крикнула она сверху.

Настя, нимало не стыдясь, что осталась вдвоем с Гурьяном, присела с ним рядом.

– Скоро уж плотину откроют, вода пойдет, – сказал Гурьян.

Разговор с плотины перешел на завод, потом на доменную печь. Стал Гурьян рассказывать. Откуда только взялись слова!.. А Насте любо слушать. В разгар беседы вернулись подружки, и у Гурьяна вдруг язык отнялся.

– Ну, я пошел! До свиданьице! – поклонился он, снявши картуз.

Девушки диву дались.

– Он уж из-за тебя и кланяться научился, – изумленно сказала Олюшка.

На Ивана Купалу стояла жара. Девушки бегали друг за другом с ведрами, обливаясь.

Настя заметила, что из-под обрыва в конце улицы появился Гурьян. Он опять брел с завода.

– Погодите-ка, подружки, – сказала она и побежала к колодцу. Набрала ведро воды и притаилась за воротами.

Девушки играли у забора как ни в чем не бывало. Настя смотрела в щелку. Когда в просвете мелькнула русая борода, она толкнула калитку, в два прыжка догнала Гурьяна.

– Что, Гурьян Гурьяныч, жарко? – воскликнула она и обхватила его с головы до ног.

Мокрый Гурьян погнался за ней. Настя весело пустилась наутек. Оглянувшись, увидела она, что мужик догоняет. Настя кинулась в переулок.

Тут место глухое. Слева шел высокий забор, справа – огороды, вдали чернела чья-то баня.

– Не смей трогать, – с оттенком каприза сказала девушка, останавливаясь. – Смотри!.. – добавила она строго и серьезно.

Гурьян вдруг обхватил ее своими тяжелыми руками, прижал к себе и крепко поцеловал в губы.

– Да ты с ума сошел! Ах ты!..

Стыд вдруг охватил девушку. Она ударила его кулаком в грудь и вырвалась. Перескочила поскотину и, забравшись в зелень овощей, остановилась.

– Гляди, как окатила меня, – сказал Гурьян.

Грязная вода капала с его рубахи на жерди изгороди.

– Пропусти, а то поссоримся, – сказала она. – Отойди подальше, а я пойду домой.

Мастер обтер лицо сухим подолом рубахи.

– Смотри, в другой раз утащу и выкупаю в пруду! – сказал он, но отошел покорно в сторону.

Она вылезла из огорода и побежала обратно. У перекрестка остановилась. Он был далеко. Ей стало обидно, что он ушел, не попрощавшись и даже не взглянув на нее.

– Гурьян! – махнула она платком, а когда он оглянулся, скрылась за углом.

Вскоре все заметили перемену в Гурьяне. Он остриг бороду покороче, купил новые сапоги.

– Тебя степная Настя заворожила. Мы знаем: ты для нее стараешься, – говорили ему девушки, когда он приходил посмотреть их хороводы.

– Верно говорят – слово не стрела, а хуже стрелы, – смущали его девицы.

С Настей он помирился. Иногда они разговаривали.

– Ну, расскажи мне еще что-нибудь про завод... – говорила она, садясь на траву. – Ты, сказывают, тайное слово на железо знаешь?

– Это врут. Не слушай. Никакого тайного слова не знаю. Его и нет. Вот я тебе кедровых орехов в тайге набил. На-ка!

– Ты что, лохматый, шепчешь ей тут? – подходя, спрашивали Настины подружки.

– Ну, наговорились?

– Еще ни о чем не говорили, – отвечал Гурьян.

Он звал Настю вниз, под обрыв.

Однажды Гурьян нарвал цветов и принес Насте.

– Кому это? – спросила она, как бы удивившись.

– Тебе. Помни, как на Белой прохаживались. В степь-то вернешься...

Настя понимала, что жизнь Гурьяна мрачна, полна тяжелого труда и что лишь изредка бывали у него радости. Что никакой он не безобразник, а просто ему скучно, вот и балует он, как малое дитя. И ей приятно было видеть, как этот большой и сильный человек, буйный, видно, по натуре, становится кротким.

В воскресенье Гурьян удивил весь завод, явившись на пруд в новых сапогах. Эти были не самодельные, а городские, какие-то особенные.

– Гляди, дивные эти сапоги, – толковали парни. – Разные! Диво! Правый от левого отличается. Как ноги! Есть правый, а есть левый. Не похожи друг на друга, как у господ!

– Вот, видать, его проняло! Какие сапоги себе достал!..

Гурьян заметил девушек, среди них была Настасья. Вдруг он ушел на плотину, которую в тот год поправляли. В праздник работы там не было, и чугунная баба для забивки свай стояла на мосту. Бабу эту во время работы с трудом поднимали четверо сильных мужиков. Гурьян подошел к ней, постоял, подумал и вдруг, взявшись за рожки, поднял на глазах у всего завода эту бабу и несколько раз до отскока ударил по не забитой до конца свае. И затем как ни в чем не бывало поставил ее на место.

Однако тут же все наблюдавшие эту картину заметили, что Гурьян озабоченно нагнулся.

Люди догадались, что хвастовство Гурьяну не обошлось даром, что у его новых городских господских сапог от необычайной тяжести бабы осели подборы.

– Куда ты? Эй, стой! – кричали ему, когда Гурьян быстро пошел с моста, направляясь в поселок.

Парни догнали его и схватили, но он развел руками, и все повалились.

– Некогда, ребята, надо скорей пойти каблуки подбить, прифорситься!

– Эй, каблуки испортил!

– Это он из-за тебя, перед тобой отличиться хотел, – нашептывала Олюшка своей подружке.

А на другой день Гурьян промчался по улице на диком коне, и уж все знали, что, значит, у него в гостях друзья-башкиры.

– Он, как степняк, на конях скачет, – говорили про мастера, – а свистнет, как Соловей-разбойник, хоть ставни прикрывай.

У дома, где жила Настасьян тетка, Гурьян на всем скаку поднял коня на дыбы, хлестнул нагайкой, еще раз хлестнул и стал гарцевать, потом пустил его в мах, вихрем перелетел через чью-то распряженную телегу, стоявшую посреди улицы.

Он загоготал, как леший, и конь в безумном страхе умчал его вдаль.

– Кто это? – выходя за ворота, спрашивали люди.

– С кричных! – толковал какой-то старик.

– Ишь, вспылит улицу...

– Шайтан! Чисто шайтан!..

Гурьян снова примчался.

– Что ты, нечистый дух, делаешь? – подымаясь из-за забора, окликнула его Олюшка.

– Конь горячий! Не слажу... Здравствуй, свет, – поклонился Гурьяныч Насте.

– Здравствуй... – отвечала та, стоя рядом с подругой на бревнах выше забора.

Гурьян подъехал вплотную и протянул ей через забор руку...

А в завод вернулся из поездки молодой торгаш Захар Булавин. Настя про него слыхала и все как-то тайно ждала, каков окажется этот Булавин.

Захар сразу понравился Насте. Он человек обходительный, бывал в разных местах: на ярмарках, в городах. С ним интересно поговорить. Он рассказывал много любопытного, и про завод говорил складней Гурьяна. И был он силен; все говорили, что тоже богатырь...

Настин интерес к Гурьяну, казалось, исчез так же быстро, как и появился. А тут еще родные стали говорить, что Булавин станет ее сватать, что лучшего мужа ей желать не надо, и понемногу она свыклась с мыслью, что это ее судьба и ее счастье на всю жизнь.

Осенью Настя уехала домой, в степь, и вскоре Захар действительно прислал сватов.

А весной Настасья приехала на завод и стала сама хозяйкой.

Стала она жить за бревнами пятистенного дома и за спиной мужа, как за каменным хребтом, в собственном доме, где чисто, уютно и все есть.

Но первое время часто скучала молодая жена. У Захара близкой родни нет на заводе. Сам он больше в разъездах, и Настя все одна. Знакомые у Захара люди уж немолодые, все толкуют про дела, про товар, а жены их – о том, что еще в богатом доме завести надо, что к богатству прибавить.

Подружки Настасьи повыходили замуж. Некоторые заискивали перед ней, и это было неприятно. Другие держались просто, но были заняты семьей и хозяйством.

Один раз, вернувшись из далекой поездки, сказал Захар жене:

– Давай, Настя, я буду тебя грамоте учить. Все веселее будет.

Прошел год. Настя научилась читать и писать. Захар стал привозить ей книжки.

Иногда встречала она Гурьяна. Он всегда ходил по их улице на завод и обратно. Теперь уж она знала все о его работе. Муж водил Настю на завод, показывал и домны, и кричные молоты и сам хвалил Гурьяна, называл его наипервейшим мастером.

– Ну как, купчиха? – бывало, спросит Гурьян весело, а у самого глаза глядят грустно.

И вспомнит Настя, как перед отъездом на заимку виделась она с Гурьяном и как спросил он ее глухо и грустно: «Ты теперь за Булавина выйдешь?»

С тех пор как Настя вышла замуж, над Гурьяном подсмеивались, что хотел урвать не свое: «кусок не по рылу».

Жаль было Насте этого могучего человека. Стал он еще угрюмее, чудаковатей.

Но ни разу Настасья не пожалела о своем замужестве. Да и как жалеть... Муж у нее молодой, разумный, пригожий. Ей нравилось будто невзначай напомнить про Гурьяна: видела она, что муж немного ревнует, огорчается, а после, кажется, горячее любит.

Глава 6. Завод

«Верховой» Максим Карпыч Оголихин – могучий, тучный мужик с багровой, гладко выбритой физиономией и с короткими черными усами – затосковал. Оголихин управлял всеми работами, был строг и требователен, умело следил за порядком и знал дело до мелочей. Недавно говорили, что завод у него в кулаке. Он сам мастер на все руки, тяжелым трудом вышел в люди, с детства бывал бит жестоко и теперь сам никому не давал пощады. Он знал, что может сделать на заводе все, что захочет, лишь бы только захотеть.

Но иногда на него нападала тоска, и тогда он напивался. Правда, он знал, что если и накуролесит, изломает что-нибудь, изобьет кого-нибудь, то все равно сладит со всеми прорехами, все исправит, когда будет трезв и когда сгинет скука. Напиваясь, он приходил на завод и начинал придирааться. И тем страшнее были придирки, чем пьяней был Оголихин.

На этот раз отправился он в кладовую к магазинеру²⁵.

Оголихин залез в кладовую, как в медвежью берлогу, наклонив голову и зорко всматриваясь, словно ловил врага или зверя. Без лишних слов он приступил к делу, и вскоре послышался шум, бранные слова, крик кладовщика, и к складу сбежался народ.

Весть о том, что «верховой» бушует, быстро пронеслась по заводу. Даже явились рабочие от ворот, около которых били обожженную руду молотками и накидывали ее в тележки вместе с древесным углем и известняком, а потом по широкому помосту везли на плавильные печи. Только «засыпки» – «верхние» рабочие, валившие с помоста руду в печи, хотя и слышали о событиях, но работу не оставляли, так как печь требует своего непрерывно.

Из-за притворенной двери слышались отчаянные крики кладовщика.

Оттуда выскочил мальчишка.

– Крестного-то моего Максим Карпыч обижает, – заплакал он.

– За что? – спрашивали рабочие.

– Да, видишь ли, велел нам вчера на помочь выходить, возить ему бревна, а крестный не пошел. Послал соседа. Максим-то сегодня и осерчал.

– С похмелья бушует, – говорили рабочие.

– Какой с похмелья! Он только сегодня начал...

За дверью стихли. Магазинера не любили. Человек это был продувной. Магазинер сам «выходил в люди», построил новый хороший дом, разжившись с краденого. Но дикая драка, как всегда, удручала. Ничего хорошего не было, что «верховой» опять распоясался.

Вдруг дверь скрипнула и потихоньку отворилась, из нее вышел – вернее, вылез – сам Максим Карпыч. Он встал перед толпой, обвел всех мутным взором, криво усмехнулся и спросил:

– Что скопились, мужики? Разве солнце село? Работа закончилась?

Он часто сопел, его рыжеватые, стриженные в кружок волосы растрепались. Видно, он устал, колотивши Ваську-магазинера. Тот с синяками у глаз высунулся из двери.

Рабочие угрюмо молчали.

«Верховой» вздрогнул, словно его передернуло, тряхнул головой, как ошалелый бык, схватил за холщовую рубаху ближайшего рабочего и заскрежетал зубами.

Порфирий, невзрачный мужичонка из кричного сарая, пришел к магазинеру по делу. Тут в кладовой рабочим выдавали бирки за выполнение «урока», а также хранились подмазки для колес, фонари, свечи, инструменты. Когда за дверью загремело железо – видно, «верховой» кинул Ваську на листовые полосы, – Порфирий понял, что сегодня ничего не получишь, но не ушел из любопытства. И вот вдруг Оголихин наскочил, вцепился ему в рубаху и держал

²⁵ Магазинер – так называли в те времена заведующего складом.

Порфирия крепко, как клещами, как умеет держать человек сильный и властный. Порфирий задрожал от страха и залопотал что-то невнятное.

– Ну, ребята, давай бог отсюда! – крикнули сзади, и толпа шарахнулась в разные стороны.

– Порфишка к тебе пришел постегаться, – обращаясь к Оголихину, засмеялся мастер Запевкин. – В ученье давно не был.

Казалось, «верховой» поступил милостиво. Он разжал пальцы и легонько оттолкнул мужика ладонью, как бы отпуская его. Но тут же сразу шагнул вперед и ударил Порфирию кулаком в зубы так, что тот опрокинулся на чугунный пол.

– Зубами рвать буду! – заревел Оголихин, кидаясь вслед разбегавшимся рабочим. Его громкий, надтреснутый голос загремел на весь завод.

– Это зверь! Зверь, а не человек, – спотыкаясь, кричал какой-то старичонка в меховой шапке.

«Верховой» остановился, потом махнул рукой и пьяно пошел обратно в кладовку.

Порфирий поднялся и поплелся к стоку от водяных колес. Он присел на корточки и стал мочить разбитые губы. Зуб у него был сломан. Умывшись, Порфирий вернулся в кричную, туда, где работал Гурьян...

* * *

Кричные молоты двигались водой. Старинная уральская техника была проста. Перегоживали реки, копали котлованы, устраивали большие пруды. «Огненные заведенья» ставились ниже уровня пруда иногда на несколько аршин, чтобы рабочие колеса двигались силой падающей воды.

Через «дворец» и решетку вода поступала в хранилище. Оттуда к колесам текла она по толстым деревянным трубам, у которых работали «водяные» – старики, отгоревшие свой век на огненной работе и переведенные на легкий труд.

«Водяной» отворял дверцу, водопад бил по плечам – колесо вертелось. От вододействуемых колес по валам вращались «сердечники» – рабочие колеса с деревянными зубцами на ободе. Такие зубцы, или, как их называли, «кулаки», зацепляли рукоятку молота, поднимая его вверх. Кулак проскальзывал рукоятку – молот падал. Второй зубец снова поднимал молот; и так работа происходила все время, пока лилась вода.

Работали тут по старинке и не торопились обзаводиться лишними машинами. Завод и так давал доход. Хозяин его в Петербурге жил и удивлялся, как это вопреки рассуждениям политиков – знатоков рабочего вопроса и экономистов – самым доходным его предприятием представлялся старый заводик с допотопным оборудованием и крепостными порядками. Сам барин был европеец и либерал.

– Мой завод – это артист, художник, – не раз говорил он в обществе. – Я даю железо лучшее, чем французские и немецкие заводы.

Над ним смеялись, не верили.

Порфирий, работавший подручным кричного мастера, прошел в горновой сарай, где меж огромных кожаных мехов пылали горны. В кирпичных углублениях разогревали чугунные штыки. Заваливая их горячим древесным углем, дули вододействуемыми колесными мехами доменный «дух», подведенный по трубам от плавильных печей.

В разжиженный чугун добавляли чушку железа, и когда варка становилась светло-красной, ее слегка охлаждали и сбивали в крицу, или, как называли уральцы, в «жука». К приходу Порфирия «жук» был готов.

Гурьян, подойдя к горну, оглядел «жука» и уже хотел было сказать, чтоб везли железо к молоту, но замер, заметив обезображенное лицо Порфирия.

– Опять Жировой диковал?..

Рабочие испуганно поглядели на мастера.

Жировым прозвали Оголихина в детстве. Мать его спустя несколько лет по уходе мужа в солдаты родила мальчика. В заводе по этому случаю было много сплетен и пересудов. Солдатку Лукерью не любили за своевольный нрав. Мальчика прозвали Жировым, как зовут яйца без зародышей, снесенные курицами без петухов.

Оскорбительная кличка преследовала мальчика долгие годы. Мать умерла рано. Детство прошло в услужении чужим людям. Жизнь на побегушках, труд из-под палки, постоянные издевательства и оскорбления озлобили подростка, развили в нем, наряду с энергией и настойчивостью, жестокость и ненависть к окружающим. В эти лета многие корили его грехом матери.

Шестнадцати лет Максим начал работать на заводе. Кличка еще преследовала его, но уже многие побаивались его силы и вспыльчивости.

В двадцать лет он стал хорошим рабочим, в двадцать восемь – мастером, а в тридцать пять – «верховым».

Войдя в силу, превратившись из Жирового в Максима Карпыча, он начал мстить людям, что было для старшего мастера при крепостном праве делом нетрудным.

Он не брезговал наказывать крестьян собственноручно.

С тех пор прошли годы. Рухнуло крепостное право, но Максим Карпыч дрался по-прежнему. Он забрал в свои руки все управление заводом.

Сам он знал все работы, мог показать, что и как делать у кричных и у горнов.

Оголихин не упускал случая поиздеваться над молодыми ребятами, которых впервые, с причитаниями и благословениями, приводили в заводской двор матери. В первый день, как правило, новичок уходил битый.

Рабочие пытались жаловаться, но барин, живший в Петербурге, и управляющий не обращали на жалобы внимания.

В былые годы Гурьяныч стерпел от Оголихина множество оскорблений и угроз, но с тех пор, как он возмужал, оброс бородой, прославился смелостью и силой и в кулачных боях и на работе, Максим Карпыч его не трогал. Только один Гурьян Гурьяныч и называл его Жировым, словно не понимая, над чем он глумится, и лишь желая показать, что не унижается перед драчуном. За это слово Оголихин изуродовал бы любого, но Гурьянычу все обходилось. Драться с ним Оголихин не решался: Гурьяныч постоял бы за себя. А убить его или затравить, выгнать с завода Оголихин не смел: Гурьяныч был одним из тех мастеров, которые доставляли заводу международную славу. И все же рабочие пугались, когда Гурьяныч произносил запретное слово. Так было и теперь: подручные мастера переглянулись и смолкли смущенно.

Гурьяныч наклонился к разбитому лицу Порфирия, оглядел кровоточащие ранки.

– Ты ступай домой, управимся тут и без тебя. Кто спросит, скажи, я отпустил... Ну, подавай «козу», вали кричонка, – обратился он к подмастерьям.

«Козой» называл он тачку.

Приступили к работе. Ком железа вывалили на окованную тачку, повезли из сарая. Мастер взял огромные клещи и зашагал рядом.

За горновым сараем, у самой плотины скрипели заплесневелые колеса, громыхали кричные молоты. Рабочие тянули огненные полосы.

У колеса Гурьяныч схватил клещами многопудовую крицу и втащил ее под молот. Пустили воду. Со скрипом, медленно тронулось колесо. Многопудовая балда соскользнула березовым черенком со шпынька, рухнула.

Окалина разлетелась в стороны, обжигая лица столпившихся рабочих. На работу лучшего мастера собирались смотреть молодые мужики, учившиеся у нею кричному мастерству. Любо глядеть на такую отковку!

Пока молот поднимается вверх, Гурьяныч успевает перевернуть крицу, второй удар – поворот, третий – опять поворот.

Рубашка у Гурьяна намокла, по лицу течет пот, а утереться некогда. Мастер оттягивает железо. Вот из-под его рук выходит знаменитая «азиатская полоска», за которую бухарцы не жалеют серебра, дорогих тканей, отдают скот, ковры, верблюдов.

Этот самый сорт железа возит на меновые дворы купец Захар Булавин.

Идет кричное железо в разных переделах и в Россию. Весной из заводской гавани, по половодью, открыв плотину и спустив пруд, отправляют сплавом потесные барки²⁶ с железом. Плывут они в Белую, в Каму.

От устья Камы по Волге бурлаки тянут его в Нижний Новгород, где и продается оно вместе с барками.

В старину это мягкое и ковкое «древесноугольное» железо, говорят, закупали английские купцы. Знают это железо на Иртыше и у алтайских калмыков.

По ковке видно полоску Гурьяна Сиволобова, перенявшего «тайну» от отца. Его железо особого сорта, и полоски эти на заводе называют «гурьяновками». Но в чем секретковки, подметить трудно, а если спросишь, про то мастер не скажет. Таков обычай... Кто приметлив – гляди сам... А то в другой раз Гурьян возьмет и всех разгонит.

– Чего не видали? Ну-ка отсюда, живо! – Да подставит полоску так, что на зрителей хлынет, полыхнет из-под молота дождь огня.

...Молот бьет и бьет, полоса удлиняется, подхватывается рабочими на железные крючья, соскальзывает с наковальни и оттаскивается стынуть на чугунные плиты под навес. «Водяной» дед Илья отвел воду, колесо встало, и молот остановился.

Гурьяныч швырнул клещи, загремевшие по чугунному плитняку пола, и уселся отдыхать на старую станину от кричного молота.

Устало и хмуро оглядел навесы на деревянных столбах, горны, черный тын, сумрачное небо...

По соседству рассаживались курить кричные рабочие, закончившие отковку на других молотах.

– Как магазинер-то, жив? – спросил Гурьян.

– Ходит... Морда разбита, рубаха в клочья...

– В беспмятстве лежал, воду ведрами таскали.

К станине подошел худой рудобойщик Никита.

– Степка, – обратился он к молодому курносому мужику с рыжей бородой, – баба тебе обед принесла, а Оголихин затащил ее в магазинерову конторку и балует...

Рыжебородый вскочил и, казалось, растерялся.

– Братцы, как же теперь? – спросил Степан.

– Ну, пропало твое дело, – подшутил кто-то.

– Ступай поклонись, попроси не баловать...

– Иди, – сказал Гурьян, – иди живей.

Степан недавно повенчался со скромной девушкой, дочерью плотника, который жил верстах в двух от завода, где летом на пологом берегу реки строили сплавные барки.

В обед Степану далеко было ходить домой, и жена носила ему щи на завод.

Задетый за живое, он смело вбежал в конторку. На скамейке у печи Максим Карпыч сидел напротив загнанной в угол Марфуши.

Когда дверь открылась, Оголихин оглянулся.

– Тебе что? – грубо спросил он Степана, как чужого и ненужного здесь человека.

– Жена мне щи принесла, – сказал твердо молодой рабочий, хотя и побледнел.

²⁶ Потесная барка – дощатое судно с рулевым веслом.

– Хе-хе, – отозвался «верховой» и ослабил, видно, еще что-то надумав.

Между тем Марфуша, улучив удобный миг, выскользнула из своего угла, а затем и вовсе из кладовки в дверь. Оголихин хотел ухватить ее за платье, но не успел. Мужики остались одни. Оголихин поднялся и заступил Степану выход из конторки. Потом он угрожающе шагнул к нему два шага, так что тот попятился.

На столе в чистом платке лежал каравай хлеба, принесенный Марфушей. Оголихин развязал платок, потом взял нож, отрезал горбушку, достал из-под лавки ведро с дегтем. Он обмакнул в деготь кусок хлеба, тщательно обмазал его со всех сторон и сунул Степану в руки.

– Подкурного медку... Искушай на доброе здоровье. Прости, уж чем бог послал... – И «верховой» поклонился чуть не до земли. – Хочешь, на коленки встану, Христом Богом попрошу?

– Не томи, Максим Карпыч, – с сердцем сказал мужик, беря ломоть в руки, – не пытай... Я тебе ужогу... Честью отслужу...

– Не обессудь, – со слезой в голосе продолжал Оголихин. – Горд ты, унижаешь меня.

Он вдруг умолк и, быстро шагнув к двери, приотворил ее. От нее метнулась Марфуша, стоявшая у косяка. Она заплакала горько и тревожно, чувствуя, что мужу из-за нее беда.

– Ох, твой-то какой спесивый, – высовываясь, сказал ей Максим Карпыч.

Она закричала, как бы созывая людей.

Максим Карпыч живо захлопнул дверь и обернулся к Степану.

– Ешь! – сжимая кулаки, задрожал он, и лицо его побагровело еще гуще.

В этот миг казалось, что его пьяные, светлые глаза совсем белы.

– Ты что? – отчаянно закричал молодой рабочий.

– Ах ты! – вскричал Оголихин, хватая его и пытаясь втолкнуть ему кусок хлеба с дегтем в рот.

Дверь распахнулась настежь. В конторку вошел Гурьяныч.

– Ты что, Максим Карпыч? – тихо спросил он, ссутулившись под низким потолком.

Максим Карпыч сощурился и хотел что-то ответить, но тут Гурьяныч поднес к его носу свой огромный заскорузлый кулачище.

– Степан, духом вон... – сказал он своему рабочему, заслоняя грудью и руками «верхового».

Степка быстро вышел.

Оголихин попятился. Гурьяныч взял горшок со щами, который принесла Марфуша, собрал в свою шапку хлеб и ушел из кладовки. Степана и Марфы след простыл.

Через несколько мгновений слышались шаги за спиной. Гурьяныч оглянулся. Максим Карпыч догонял его.

Прошли рядом молча шагов двадцать.

– Ну уж погоди... попомнишь меня... – вдруг сказал Оголихин. – Я тебе этого никогда не забуду...

– Что же ты мне не забудешь? А я бы к тебе в дом пришел или бы поймал твою жену на улице или дочь твою да стал бы ее этак тискать? Ты бы что сказал?

– Мою дочь? Ах ты... Ну, погоди!.. Надену на тебя железные путы, – зашипел «верховой».

Мастер остановился, поднял глиняный горшок. Мужики, тащившие мимо полосу, замерли, завидя, что Гурьяныч замахнулся и, видно, хочет надеть горшок со щами на «верхового».

Максим Карпыч вдруг обтер лицо ладонью, как бы снимая что-то с лица. Казалось, он опомнился.

– Ты ловко мне попадешь – убью! – тихо сказал он. – Вот как перед истинным! Ты думаешь, ты мастер хороший, так тебе все прощается? На куски зубами рвать буду.

– Как придется, – кротко ответил Гурьяныч.

– Бил и буду бить, и никто на божьем свете мне не окажет препятствия. Я захочу – и любого произведу в колоду, потому что я тут поставлен...

Гурьяныч молча уставился на него, как бы сожалея, что умный человек несет такую чушь. Оголихин не выдержал этого взгляда и, отшатнувшись, повернулся и покачиваясь побрел прочь с заводского двора.

Гурьян принес обед к молоту, где у одного из столбов, державших навес, на чугунном полу тихо и печально сидели рядом Марфуша и Степан. Видно было, что на душе у них тяжело. Оба ждали теперь беды и для себя и для родных и не знали, как пойдет дальше жизнь, если «верховой» их возненавидит. Боялись его издевательств, ждали мести... Страхом пытал «верховой» своих рабочих еще больше, чем кулаками.

Глава 7. Старые друзья

Теплый летний вечер окутал мглой ветхие лачуги на окраине заводского поселка.

У крутого оврага улица кончалась старым, полуразрушенным сараем. Здесь нужно было свернуть за развалины и пройти шагов полтора-два между обрывом и огородами. Подле высокой кривой березы, сохранившейся от былых зарослей, стояла покосившаяся изба Гурьяна. Когда-то было тут красивое место. Тогда и речка была полноводней.

С тех пор как у Гурьяна умерла родственница-старуха, соблюдавшая его домашность, изба холостого мужика понемногу заросла грязью и паутиной. Изредка заходили к нему двоюродные сестры или жены его братьев, приводили все в порядок, но без постоянного присмотра порядок долго не держался.

Среди крестьян поговаривали, что Гурьян дружит с башкирскими разбойниками, а отцу Никодиму даже пожаловались однажды, что мастер ездит молиться в мечеть, даром что старовер.

Гурьян действительно водил дружбу с башкирами. Отец Гурьяна, крепостной заводской крестьянин, однажды заболел; он говорил тогда, что если поблизости есть горячее железо или жидкий чугун, то у него «плавится» сердце. Болел он долго, к работе стал непригоден, и управляющий отпустил его «на кумыс» к башкирам. Вся семья переселилась в горы. Как-то у башкир потерялся малец, любимый сынок. Старший из русских ребят искал и нашел его у родника верстах в шести от куреня. В тот же день принес он на руках найденыша в коши.

Ребенка звали Магсум – это славное старинное имя, как объяснил отец его, Ибрагим. Русские же на свой лад стали называть его Могусюмом. Имя это так и осталось за мальчиком.

Семья Ибрагима, приезжая в завод, на базар, всегда останавливалась у русских друзей. Отец будущего кричного мастера в те годы, когда ему снова пришлось работать у домен, отдавал башкирским приятелям на выпас свою скотину, ездил с ними на охоту, косил траву на их земле, рубил дрова в их лесу, делал им топоры, сошники из того пуда железа, что давали в год бесплатно каждому рабочему, ковал коней, ладил вилы.

Гурьян с детства умел говорить по-башкирски, мог проскакать на коне, не знавшем седла, охотно пил кумыс, ел крут²⁷ и бешбармак²⁸. Могусюмка многому учился у русских.

Он выучил русские буквы еще в детстве и умел читать и писать.

Однажды Могусюмка должен был сообщить кое-что богачу Хамзе. Он знал, что тот тоже читает по-русски, написал башкирские слова русскими буквами.

И глядя на письмо, Могусюмка морщил лоб, словно сам удивлялся тому, что придумал. Он чувствовал, что, кажется, сделал открытие.

Башкиры почти поголовно неграмотны: учиться по-арабски могут лишь богатые. Выдумка Могусюмки многим понравилась. Говорили, что дружба с русскими ему на пользу пошла.

Шли годы...

Но вот на заводе случилась болезнь, сгубившая десятки семей. Гурьян уцелел, но остался одинок.

Несчастье постигло и семью Ибрагима. Под старость его разорили богачи-лошадники, братья Махмутовы, продавшие общинные угодья заводу. Старик, потеряв любимых коней, лес и землю, не выдержал и умер. Вскоре умерла старуха. Дочери к тому времени были замужем по разным аулам. Магсум сделался пастухом конских косяков бая Салима Махмутова.

²⁷ Крут – сладкое блюдо (фрукты на хлебе с вареньем или желе).

²⁸ Бешбармак – башк. бишбармак, куллама; состоит из отварного мяса, главным образом баранины или конины, и ромбиков, изготовленных на основе теста.

Из табуна однажды пропали кони, в том числе жеребчик с белой прозвездью на морде, любимец хозяина. Бай Салим мечтал о победе на гонках в день сабантуя, когда подрастет конь.

Узнав о пропаже, Салим-бай приехал со своими людьми на кочевку, где тебеневали лошадей. Долго ругали Могусюмку, вырвали и изломали у него курай и пытались избить.

Но тут Могусюм выказал редкую силу и ловкость, раскидал набросившихся на него людей, сбил с коня самого бая.

Молодой удалец бежал за хребет. Вскоре он стал главарем целого отряда. Магсума и его товарищей богачи называли разбойниками и боялись их. Редко теперь бывал Магсум в заводском поселке, но Гурьяна по-прежнему навещал.

В день ссоры с «верховым» из-за Степановой бабы Гурьян, возвратясь домой, застал у себя Могусюмку.

...Сумерничали, пообедав луковой похлебкой. Под божничкой у стола облокотился на колени усталый Гурьяныч. Над столом была видна лишь голова его, заросшая лохмами густых волос. Борода у него росла особенно: вихры торчали во все стороны.

Напротив него на высоком, лаженном для хозяина, табурете сидел Могусюмка, черноголовый, с густыми бровями, с носом широким, прямым.

Белый суконный бешмет²⁹ плотно облегал его стройную фигуру. Остроконечная шапка, опушенная рысьим мехом, валялась на полу подле кадушки. На лавке лежали кушак, нагайка и однозарядный пистолет.

Как нетрудно было заметить, Могусюмка сегодня в хорошем настроении.

– Жениться задумал! – сказал Гурьян.

– Ты дедушку Ирназара знаешь?

Гурьян вспомнил. Еще в детстве слышал он про отважного башкирина Ирназара, который был когда-то таким же удалцом, как нынче Могусюмка. Гурьян любил потолковать про знакомых башкир, про урман, про вольную жизнь.

– Э-э! Да разве Ирназар жив?

– Конечно, жив. Да разве ты не знаешь? Он живет на Куль-Тамаке.

Гурьян хорошо знал все заводские окрестности на много верст кругом.

Могусюм рассказал, что Ирназар ушел в далекие леса и давно живет там, что он старик еще крепкий. Он построился так далеко, что туда ни разу не добирался ни исправник, ни урядник. Там выросла у него дочка Зейнап. Могусюмка умолк. Глаза его сощурились. Понятно было, что на Зейнап он и хочет жениться.

– Но там у нас завелся плохой человек. Может быть беда. Он со мною поссорился и хочет мстить.

Сказав это, Могусюмка стих. Никакого признака веселья не осталось на лице его. Глаза сверкнули; видно стало, что он бывает грозен.

– По деревням ездил чиновник, бумагу возил, читал ее, сто рублей обещал тому, кто меня поймает. И вот Гейниатка узнал об этом, стал проситься у дедушки Шамсутдина, будто бы поедет в степь, к родным. Дедушка Шамсутдин ему не родной. Они просто вместе живут. Гейниатка когда-то провинился в степи и пришел ко мне. Я привел его на Куль-Тамак. И вот соврал он, будто охота ему стариков повидать. Уехал. А потом на перевале встретили меня знакомые, они в город на ярмарку коней продавать гоняли. И вот бабай Ахмет говорит, будто бы он Гейниатку видел, будто тот в город направился. Я подумал: обознался дед, Гейниатке совсем другая дорога. А джигиты говорят – Гейниат плохое задумал, хочет сто рублей получить... И вот поскакали мы в погоню. Вечером большой дождик пошел... Ночью у Трофима-лесника знакомый парень вышел к нам, Хибетка. Он подле большой дороги охотничает и что увидит –

²⁹ Бешмет – одежда тюркских, монгольских и кавказских народов, плотно прилегающая в груди и в талии и доходящая до колен.

мне говорит. Гейниат его никогда не знал. Хибет сказал: «Рябой парень был, кобыла под ним рыжая. Пока дождь шел, в избе сидел, а к ночи уехал».

– Ну, так и утек? – спросил Гурьян.

– Ночь гнали, да не настигли.

Могусюмка долго говорил о том, как он теперь беспокоится, что Гейниатка проведет тропами полицию на Куль-Тамак.

– У меня оставайся жить, тут тебя никто не тронет, – сказал Гурьян. – У нас полиция из своих же заводских набрана, все твои друзья.

– Э-эй, нет, – засмеявшись, воскликнул Могусюмка – Здесь печки коптят, разве можно жить?

Но в душе он знал пользу завода...

– Много ты понимаешь, «печки коптят», – передразнил его Гурьяныч.

– Шайтана дело! Лучше ты бросай завод, пойдем в урман жить! – воскликнул башкир. – В урмани хорошо. Коня дам тебе, как ветер будешь носиться, ружье подарю, кинжал себе скуешь. А то для людей стараешься, а себе не скуешь. В лесу ручеек бежит прозрачный, чистый, холодный. А что тебе тут? Зачем ты здесь живешь? Что тебе тут хорошего? Отец твой в урмани выздоровел. На заводе губите себя.

Он знал о неудачной любви друга.

– На заводе грудь сгорит, харкать, кашлять будешь... А в урмани птицы поют, дичи много, зверь бежит, на сосну за сотами полезем, медведя убьем... На Куль-Тамаке старуха мед нам наварит. Да что говорить, ты сам все знаешь.

Наступили сумерки. В избе темно. Хозяин поднялся, достал с полки сальную свечу, отлитую в домашнем свинцовом льяке. Огонек осветил беленые, но уже ветхие бревенчатые стены, углы, увитые паутиной, божничку с медными староверческими складнями.

– Я, брат, в урман жить не пойду. Твое дело другое. Ты вольный человек. Ты пособляй людям, никто тебя за это не винит, а я буду у железа.

Могусюм встал с табуретки и пошел во двор посмотреть своего коня. Приехав, он спрятал его в стойке.

Кара-Батыр – Черный Богатырь – широкогрудый вороной жеребец с могучими, словно литыми в Каслях³⁰, черными ногами – был любовью и гордостью Могусюма. Жеребенком купил он его у бухарца. Обучил прыгать через заборы, через ямы и размывины, переплывать горные бешеные потоки, карабкаться по крутым тропам.

Разыскав в углу в длинной долбленной кормушке ведро, Могусюм отправился на ключ за водой.

В потемках знакомой дорожкой спустился он под обрыв к мелководной речушке. Из-под косогора сочился ключик и, чуть журча, бежал к ней. В углублении, которое укреплено было со всех сторон толстыми досками, как в маленьком колодце, Могусюмка набрал для своего коня полное ведро родниковой воды и полез на пригорок.

В этот миг все небо осветилось. Над заводом взлетела туча пламени. Задохнувшись «горючим духом», тяжело кашлянула каменной грудью доменная печь. В потоках пылающего газа с грохотом и свистом взвились вверх раскаленные головки. Многие пуды углей и облака искр летели в глубине небосклона, низвергаясь в пруд.

После таких вспышек, случалось, загорались избы у рабочих, а при ветре даже выгорали целые улицы.

«Как шайтан, плюется! – подумал Могусюмка. – Опять пожар будет, опять дома у людей сгорят».

Но он понимал: завод нужен, железо делают хорошее...

³⁰ ...литыми в Каслях – то есть на знаменитом Каслинском заводе художественного литья.

В стойке, прислонясь к косяку, Могусюмка ждал, когда напьется конь. Наконец Кара-Батыр поднял морду. Могусюм убрал ведро в колоду, вышел и завалил дверцу сарая бревном.

Вспышка на домне кончилась, и только зарево от литейной искрилось над избами. Могусюмка затоптал несколько углей, прилетевших во двор, и вошел в дом.

Гурьян по-прежнему сидел, прислонившись грудью к столу, и глядел на горящую свечу.

Могусюмка прикорнул на лавке. Закутавшись с головой в бешмет, он все думал, как быть, если Гейниатка приведет на Куль-Тамак полицию и казаков. Конечно, могло быть, что Гейниат на это не решится, возможно, он вообще убежал, у него воровская, разбойничья душа.

Однажды, спасаясь от погони, очутился Могусюм в незнакомом месте. Лес, заваленный снегом, переплелся в непроходимую чашу. В сумерках завывали волки. Голодная, жадная стая налетела на одинокого всадника. Кара-Батыр ударил копытом, переломил жожаку хребет и помчал Могусюма вниз по отножине увала к долине, где из сугробов желтел сухостой трав. Следом за ним вилась добрая дюжина мохнатых, остромордых волчин.

Могусюм сбросил хищникам чепан, выиграл время, пока звери рвали одежду, и ускакал, отстреливаясь из ружья.

Ночью он завидел огонь; спешившись, подошел к пламени. За костром, в дупле ветлы спал, завернувшись в овчинный тиртун³¹, старик. Судя по ловушкам для зверей, лежавшим у дерева, это был зверолов и охотник. Когда Могусюм приблизился, он проснулся, дружелюбно встретил башлыка³² и предложил ему ночлег в дупле. Утром, пока старик ходил в лес, проверял капканы, Могусюмка стал разыскивать коней. Следы на свежем снегу привели к низинным солнцепекам. Кара-Батыр и длиннохвостая кобыла охотника разгребали копытами сугробы и дружно пощипывали сухие пучки осоки.

Старик вернулся с добычей – принес зашибленных насмерть, одеревенелых от мороза красношерстного, чернолапного лисовина и пышную голубоводную рысь. Связал их вместе, перекинул через костлявую хребтину своей кобылы и, молодо подскакнув, забрался в седло.

Так познакомился Могусюм с Ирناзаром... А теперь дочь этого старика стала невестой Могусюма.

...В комнате вдруг потемнело: свеча догорела. Гурьяныч уже спал. Могусюм поднялся, задул фитилек, плававший в подсвечнике в жидком сале, и опять завалился на бок.

Гурьяныч разговаривал во сне, поминал «верхового» Оголихина, потом батюшку отца Никодима и какого-то рябого татарина.

В полночь в окно постучали.

Могусюмка вскочил в сильной тревоге.

– Кто там? – очнулся хозяин.

– Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас, – густо прохрипел за ставнем заводской сторож.

– Аминь, – ответил мастер.

– Кричной молот не в порядке. Максим Карпыч велел идти на завод.

– Иду. – Гурьяныч стал одеваться.

– Зачем ночью работа? – вскочил Могусюмка.

– Не знаю сам, что такое, случилось что-то с колесом, наверное. «Верховой» велит. Надо идти. На кричных, брат, не потрафляют... А ты лежи, спи... Он мне уж которую ночь покою не дает.

³¹ Тиртун – тулуп, шуба.

³² Башлык – главарь.

Глава 8.хлопоты

Наутро Могусюм ускакал, а немного спустя напротив ворот Гурьяныча, выходявших в переулок, стала на лужайке телега, запряженная парой низкорослых лошадей. Надвинув козырек картуза на глаза и наклонив голову, к одному из окон подошел худой мужик с русой бородой и, закрыв лицо от света, стал всматриваться, есть ли кто в избе. Жара стояла нестерпимая, и солнце так горело, что за стеклом казалось все черным-черно. Мужик, как ни укрывался обеими руками от света и правой, с кнутом, и согнутой левой, прижимая ее к лицу чуть не до локтя, – ничего не увидел, пока под самым носом у него не стукнул кто-то изнутри, тогда только понял он, что Гурьян-то дома.

– Дома! – Осклабившись, мужик махнул кнутом, словно зацеплял им что-то в воздухе.

Другой мужик, черный, как жук, тоже в надвинутом картузе и длинной кубовой рубашке, ни слова не говоря, тронул коней и, завернув их, въехал в ворота, уже распахнутые выбежавшим босым хозяином.

Приехали братаны Гурьяна – один двоюродный, а другой троюродный, оба из Николаевки. Это бедная деревенька верстах в двадцати от Низовки, но по другой дороге. Они привезли гостинцев: пирогов, яиц, рукавицы; судя по этому, приехали неспроста.

Гурьян знал, что сразу ничего не скажут: надо поговорить о том о сем. Поставил самовар, расспросил про родню, про теток, дядьев, дедов, про молодых, кто как становится на ноги. Дела, по которым приехали гости, важными быть не могли, и он особенно не беспокоился: верно, надо железа.

Угощения у холостого мужика не нашлось бы, но Могусюмка оставил башкирского сыру и баранины, а водку привезли сами гости. День воскресный, и грех не выпить, хоть и рано. За бутылкой разяснилось, что за дело.

– Николаевка хиреет! – говорил черный Макар.

Понятно, что Николаевка хиреет – не могла не хиреть. Еще при крепостном толковали, что деревню эту кормят даром. Предки николаевцев были населены хозяином в лесу, чтобы жечь уголь, возить дрова и руду. Но рудник выработался, леса не стало – все сожгли, а молодняк быстро не рос. Николаевцы ходили на дальние курени. Задолго до манифеста, при крепостном, деревня эта перестала давать прежние доходы, но николаевцы получали от заводоуправления зерно на каждую мужскую душу; хотя и с неохотой давали им этот паек и старались урезать, но все же давали, как и прежде – пятьдесят и больше лет тому назад, когда Николаевка кормила своим углем обе домны и подвозила со своего рудника чуть ли не всю руду.

Но вот отменили крепостное. Манифест и «воля», которой все радовались поначалу, оказались для николаевцев причиной многих несчастий. Казенный паек больше не шел. «С воли сыт не будешь», – говорили николаевцы.

Взялись корчевать лес. Вот тут-то и оказалось, что земли удобной очень мало, только там, где огороды. Правы были старики, предвзвевшие сыновей от заведения своих пашен и приучавшие их тянуть хлеб с завода. Земля плоха, не родила, все пашни на косогорах, кругом глина, обрывы, в дождь все смывало, над пашней скалы, камни. Все это вспомнил Гурьян, но все же братаны ему рассказали еще и такое, чего и он даже не знал.

В десяти верстах от Николаевки была славная земля. И земля та принадлежала богатым башкирам. Но как подступиться к ним – не знали.

– Купить – нет силы... – сказал Макар. – Да и не продадут.

– Старики толкуют: мол, купить на время³³. Да башкиры не захотят, – добавил русский Авраамий, – земля, мол, самим нужна, баранов надо пасти... А что же, скажи, нам с голоду

³³ ...купить на время – то есть взять в аренду.

помирать? Будь милосерден, братец дорогой, у тебя есть там приятели, они с заводскими лучше, чем с нами. Пособи, исхлопочи, пусть продадут на время.

– У тебя там друзья, – повторил Авраамий, – помогай!

– А кто хозяин?

– Курбан!

Гурьян знал Курбана. Это богач, земли у него много, большие стада. «Жалко, Могусюмка уехал, – подумал Гурьян, – он бы тут пособил». У заводских Сиволобовых, как у мастеров на все руки, дружба была не с одним Могусюмкой. Однако в таком деле нужней всего Могусюм. Без него ехать к баям – только зря кланяться.

– Поедем-ка, попробуем сыскать еще одного друга, – сказал Гурьян, – а то упустим. Поехали!

Кого упустим – не спрашивали. Вскоре все трое вышли, запрягли коней в телегу. Дом подперли колом снаружи, ворота – изнутри. Гурьян перемахнул через заплот, все уселись и покатили.

Башкирские общинные земли начинались по этой дороге верстах в пятнадцати от завода. К обеду доехали до кочевков. Сюда башкиры приезжали летом и выгоняли на пастбище скот, коней и баранов.

На лужайке среди леса стояла войлочная кибитка. Рядом устроен был навес на шестах для скота. Старуха в черном халате и длинном чистом белом платке, который углом закрывал спину, сидя на корточках, доила кобылицу. Женщина помоложе хлопотала у печи, сбитой из глины и поставленной поодаль от кибитки прямо на земле. Тут живет старик Бикбай – отец Хибетки.

Могусюмка, ускакавший чуть свет с завода, должен был сюда заехать.

Телега подкатила к навесу, около которого лежали бревна и виднелись груды стружек. Несколько башкир и сам Бикбай сидели кружком неподалеку.

– Здорово, брат! Ненадолго простились! – сказал Гурьяныч, обращаясь к Могусюмке, которого увидел среди сидевших.

– Это никак Могусюмка! – со страхом шепнул Макар.

И он, и Авраамий перепугались. Знали они, что Гурьян знается с Могусюмом, но никак не предполагали, что именно к нему прикатит.

«Вот шайтан!» – подумал Макар. Но уж теперь следовало терпеть и помалкивать. Оба николаевца невольно сняли шапки.

К башкирам нельзя заезжать мимоходом. Приехал – сиди, угощайся, не торопись. Уж таков неписанный закон приательства. День предстояло провести тут.

– А-а! Приехал! – засмеялся Могусюмка. – Говорил тебе, что в урмане лучше. Давно надо было!

Поднялся Бикбай. Он в черной круглой шапке, с окладистой черной бородой и с крупным, толстым носом.

– Благослови, Аллах! – приветствовал он гостя, прилагая ладони к лицу.

Руки у него жилистые и дочерна загорелые, взгляд острый и веселый. Тут же Абкадыр – башкирин лет сорока, здоровый и плечистый, скуластый, безбородый, в тюбетейке. Над его широким лицом тюбетейка торчала, как маленькая заглушка на самоваре.

Башкиры усадили гостей. Появился кумыс. Оказалось, что Бикбай хочет строиться, заготовил бревна в лесу и будет возить.

– Может быть, совсем сюда переедет, поближе к заводу... – сказал Абкадыр и хитро подмигнул.

– Хорошо в урмане? – спрашивал Могусюмка.

– Хорошо! – вздохнув, отвечал Гурьян.

Вчера в избе Гурьян сидел угрюмый, с печальным взором, а нынче хоть и глядит исподлобья, но уж весел и даже чуть смущен, словно его против воли выволокли на свет божий, на люди. Глаза у него сегодня синие, яркие-яркие, и добрые, кроткие, умиротворенные.

Здесь, где широкое, незаконченное небо, где яркий лес, совсем по-другому чувствует себя Гурьян. На заводе – ни деревца, как на складе, где торгуют бревнами, стоят сухие бревенчатые избы, и серая земля между ними. Только барский сад, да сад у церкви, да кое-где в верхнем селении палисаднички, как у Булавиных. А здесь лес густой, теснятся ели, тучные, с мертвыми сучьями. Глянешь под них – там как темная ночь. И тут же огромные березы, целые вороха листвы свисают, прямо на ели ложатся. Цветы, птицы поют, журчит ручей у самой кибитки, стрекочут кузнечики. Просветлел взор Гурьяна.

Сейчас вцепился бы жеребцу в загривок, вскочил бы да поскакал...

– Эх ты, колдун! – ухватил Гурьян своего друга за шею.

Но шея у Могусюма, как тонкая сталь, не гнется, только дрожит под лапой мастера. Сталь нашла на сталь.

– Ты шибко все об урмане печешься. У тебя от этого может ум за разум зайти.

– Чего болтаешь? Как может ум за разум зайти? Ум и разум одинаковы.

– Нет, разница есть!..

– Болтаешь, болтаешь! – махнул Могусюмка рукой.

Пошло угощение. Старуха в белом платке и черном халате стала черпать кумыс из кадушки, накрытой чистой холстиной. Тут всюду кони, кобылицы, жеребята их сосут, стоят ведра, сало в чашках, пахнет парным молоком.

Гурьян объяснил, зачем явились мужики.

– Ладно! Съездим к Курбану, – согласился Бикбай.

За подобные дела брались охотно.

– Надо ехать к Курбану, – подтвердил Абкадыр.

– Хлопотать! – добавил Бикбай по-русски.

Башкиры объяснили, что земля, которую хотели снять николаевцы, – общинная. Бикбай был в этой общине, но распоряжался землей Курбан. Известно было, что все общественные постановления выносились по желанию Курбана. Абкадыр хотя и в другой общине, но тоже взялся помочь.

– Курбан хороший! Поедем, – сказал Абкадыр, – попросим его!

– Сейчас?

– Зачем? Завтра! Куда торопиться?

Гурьян к утру должен был возвратиться на завод, чтобы выйти к молоту.

– А ты не пособишь? – спросил он Могусюмку.

Могусюмка хотел ехать на Куль-Тамак.

– Не помирать же людям с голоду. А ведь Бикбая может Курбан не послушать.

– Слышь, Гурьян, а не страшно с ним ехать? А как нас за него всех заметут? – потихоньку спросил Макар.

– Скажешь тоже! Да башкиры его слушаются знаешь как... Как мы станowego или исправника!

– А может, лучше без него?

– Да не бойся.

– Старики с нами едут славные. Они и без Могусюмки пособят, и тихо все будет, а то потом нам припомнят, что мы с ним друзья, мол.

– Нет уж, лучше с Могусюмкой. Никто не припомнит. Башкиры его любят и уважают. Да слушайте его, как он велит.

Вечером Гурьян уехал на завод верхом на одной из лошадей Бикбая. Макар и Авраамий строга́ли бревна, пилили доски и всячески помогали Бикбаю, желая заслужить его расположение.

Выехали все вместе на двух телегах. Впереди Бикбай с Абкадыром, а с мужиками сел Могусюм.

В полдень покормили лошадей и сами пообедали. Отдохнувшие кони побежали быстрее.

Могусюмку сильно заботило возможное предательство. Последнее время искали его усиленно.

Мужики заметили, что спутник их не в духе. Зная хорошо, кто такой Могусюмка и из-за чего он враждует с начальством, они истолковали его молчание по-своему и, видя в нем своего защитника, стали жаловаться на жизнь, на бедность, что земли нет, леса нет, денег нет.

– А почему у вас леса нет? – спросил Могусюмка, отвлекаясь от своих мыслей и обращаясь к Авраамию.

– Вырубили.

– Кто вырубил?

– Мы...

– А зачем вы в Николаевке свой лес вырубили?

– Как приказано... Для завода уголь жгли лет семьдесят. Для конторы.

– А теперь ты новую землю хочешь пахать? – спросил Могусюмка.

– Да. Как же... что-то надо, – ответил мужик угрюмо.

– А потом скажешь: мол, я пашу, хлеб сею, а башкиру, мол, барана пасти можно в другом месте? Башкир поганишь?

«Он вон куда гнет! – подумал Макар. – Подозревает, что желаем землю отнять».

Макару стало очень горько, но он смолчал. Был он человек бедный и обидчивый.

Такой разговор не нравился и Авраамию.

«Не хочет помогать, досадует. Может испортить все дело. Хорош же у Гурьяна приятель!»

Могусюмка, видя, что николаевцы не отвечают, умолк. Его часто приглашали разбирать споры, когда терялись умные старики, баи и муллы. Он считал дело, за которое собирался хлопотать, обычным, житейским. Могусюмка полагал, хотя башкирам и обидно, что землю занимают русские, но целую деревню обречь на голод нельзя. Земля у общины пустует, и николаевцы тоже есть хотят, они не виноваты, что леса вырублены. Но ему все же жаль сейчас стало леса, сожженного ими.

– Нет, мы землю не отберем, – начал тем временем Авраамий, – мы уважение сделаем. Это первое дело. Пособим...

В душе Авраамий, может быть, и не прочь захватить землю, отнять ее у кого угодно, только бы случай представился... Он полагал, что земля есть земля. Она божья – ничья. Должен на ней жить тот, кто пользу от нее знает. Но сейчас надо было выказать покорство, умягчить. Уж взялся добывать землю – молчи, кланяйся.

– Так землю отымать не захочешь?

– Нет, что ты! – ответил Авраамий и повесил голову.

Макар, не вымолвивший до этого ни слова, обернулся и сказал, боясь разбередить Могусюма:

– Мы Курбана не обидим. Земли его не займем. – Он показывал покорность, а в душе зло и досада все сильнее разбирали его.

– Земля общинная! – поучительно возразил Могусюмка.

– Это только слава, что она общинная, – ответил Авраамий. – Сами же башкиры зовут Курбана хозяином. Да уж нечего плакать, Курбан сам себя в обиду не даст, шкуру сдерет с любого.

Тут Макар не удержался:

– Да что ты тревожишься, тебя самого-то по миру пустили...

Больше не было сказано ни слова, и Авраамий уж был готов, что ждет их с Макаром неприятность. Но он решился стоять до последнего, просить, молить, кланяться, пообещать такое, что даже, быть может, никогда не исполнит. Он готов был хоть в кабалу, плотничать, кузнечить на богачей. Таил он надежду, что славные и честные старики, ехавшие на первой телеге, люди куда умней и старше этого Могусюмки, и что они знают, на что идут, и что они помогут, конечно.

Не доезжая до кочевки, Могусюмка спрыгнул с телеги, отвязал своего коня, на длинном поводу шедшего за ней. Бикбай остановил свою лошадь.

– Вы все поезжайте к Курбану, – сказал Могусюмка, – про меня ничего не говорите. Просите о своем деле. А я приеду, когда надо будет.

«Так-то лучше, – подумал Авраамий. – Опамятовал. Не будет, так сами обойдемся».

– Как же он узнает? – встревоженно спросил Макар, когда Могусюмка въехал в лес, а телега снова тронулась.

– Узнает! – ответил Бикбай с важностью.

– Он все знает, – с суеверным страхом подтвердил Абкадыр.

Глава 9. Бай-европеец

Над горной рекой на лугу, на котором кое-где видны молодые березки и березовые пеньки, желтыми пятнами разлеглись верблюды. Мужики подъехали к дому, строенному из свежих сосновых бревен под железной крышей.

Бай в распахнутом бешмете, под которым виднелась нижняя белая рубашка, стоя у заднего крыльца, с криком вырывал из рук маленькой растрепанной старухи какое-то ведро. Несколько башкирок кричали на него, видимо, заступаясь за старуху.

– Что это он с бабами из-за ведра дерется? – вымолвил по-русски Абкадыр.

Оба башкирина соскочили с телеги и стали кланяться.

Увидя подъехавших, бай улыбнулся, выпустил ведро, смущенный, что его застали за таким занятием.

Он приветствовал приехавших. Подъехали мужики. Бай повел всех в дом. Ненадолго удалившись, он явился в воротничке и в сюртуке.

– Никакого понятия не имеют, как соблюдать чистоту! Самому всех учить приходится! Кроме меня, никто не умеет показать, как мыть ведра. Советую и тебе, Абкадыр, и тебе, Бикбай, всегда чисто ведра мыть. А то про наших башкирок говорят, что они нечистоплотны. Это ложь, выдумки русских! Надо, чтобы не было повода про нас говорить, что мы не любим чистоту.

Русские, не понимая толком, о чем речь, мяли шапки, а Бикбай с Абкадыром все время кивали головами, показывая, что согласны с каждым словом хозяина.

Бай говорил улыбаясь, словно сознавал смешную сторону своих поступков.

Курбан усадил гостей на табуретку, сам устроился в широком венском кресле. Ковры у него городские, вся изба застлана. В большой комнате – диван, кресла, стол, шкафы с книжками. Печи натоплены, хотя на улице жара.

Бикбай начал рассказывать про какой-то мешок овса, а потом про лечение носа и глаз, как он нашел хорошего лекаря и теперь здоров, и все время, сидя на стуле, норовил положить под себя обе ноги, но, видимо, боялся, как бы не свалиться с такой высоты.

Абкадыр сидел и кланялся в знак интереса к беседе и полного уважения к хозяину.

Бай разглаживал свою шелковистую седую бороду, расчесанную двумя пышными пучками на обе стороны. Он румян лицом, сед, глаза у него веселые, бойкие, почти скрываются, когда смеется. На голове черная шелковая тюбетейка, на плечах черный сюртук. Бай коротконогий, толстый, но живой как выюн, каждый дюйм его жирного тела в движении, особенно когда от одного собеседника поворачивается он к другому.

– А я не знал, Бикбай, что у тебя русские приятели есть, – заговорил он, чуть видимые глаза сверкали и огнем и маслом. – С завода? – спросил Курбан.

– Нет, из Николаевки, – отвечал Бикбай.

Тут, услышав название деревни, оба мужика также стали кланяться усиленно, а Макар вскочил с табурета и поклонился в ноги.

Бай глянул на мужиков строго. Теперь его острые маленькие глаза открылись.

Подали обед. Во двор в это время въехал всадник. Могусюмка вошел, когда Бикбай рассказывал про бедственное положение николаевцев. «Вот еще черт его принес», – подумал Макар. Хозяин любезно поздоровался с новым гостем и пригласил к столу. После обеда Бикбай выложил суть дела. Бай согласился сразу.

– Исполу! – сказал он.

Бикбай обрадовался, но мужики огорчились.

Начались споры.

– Первые три года половина урожая моя, – заявил бай.

Макар завел длинный разговор о том, что низовцы арендуют землю и платят чаем, сахаром.

Разговор затянулся. Пили чай, потели, говорили о разных делах и снова спорили о плате.

– А если не нравится, – наконец сказал бай по-русски, – то могут не снимать. Пусть корчуют пеньки там, где лес вырубili, или в орду переселяются.

– По-моему, вы неверно говорите, агай, – заметил до того молчавший Могусюмка.

Курбан насторожился. «Это что за мальчишка?» – подумал он.

– У вас клочок земли просят пашню пахать, а вы на общинной земле прииски открыли, отдали эти земли в распоряжение чужих людей.

Тут лицо бая перекошилось, брови изогнулись, а глаза стали круглыми и большими.

– Кто это такой? – быстро и тихо спросил он у Абкадыра.

– Мы его не знаем, он нас на дороге останавливал, – так же тихо ответил Абкадыр. – Зачем едет и куда, не знаем. Кажется, его называли Магсумом.

– Кто называл?

– Товарищи его, когда он с ними в лесу прощался и к нам подъехал.

– Магсум?

– Да.

– Постой, так это... Это...

Тут бай, выкатив глаза, уставился на Могусюмку, мелко потряс головой, набрал полную грудь воздуха и замер, показывая, как он восхищен, делая это точно так же, как благовоспитанные люди на Востоке, когда желают изобразить некое восхищение.

– Магсум! – вобрав голову в плечи и вскинув руки, с жаром выпалил он, показывая, что не в силах сдержаться. – Как я много слышал о вас! Очень рад!.. Честь принять такого дорогого гостя... Счастливы ли вы живете?

Курбан налил чашку чая и поднес Могусюмке, улыбаясь ласково.

– Кушайте на здоровье.

Он начал со всеми соглашаться, но, как замечал Могусюм, не от души. Абкадыр и Бикбай тоже любезно улыбались. Иногда они вдруг переглядывались, и взор их в этот миг становился серьезным и значительным.

На Макара и Авраамия никто не обращал внимания, но они кое-что понимали в этом разговоре и терпеливо ждали. Курбан, заметив молчаливое недоверие Могусюма, сказал, что, конечно, надо жить по-соседски с николаевцами.

– Я, знаете, для порядка назначил цену повыше: пусть не думают, что так легко земля дается.

Когда, казалось бы, дело сладилось, бай показал Могусюмке барометр и рассказал, что ездил в Москву, видел паровозы и железную дорогу и в Москве он слышал, будто в Америке очень красивые реки, но опасно к ним подходить – там водятся крокодилы.

Могусюмка снисходительно улыбнулся.

«Я вас угощу как следует», – решил Курбан, ласково глядя на Могусюма.

Этот высокий, сдержанный и гордый человек заслуживал уважения. «Да и полезен может оказаться...» Курбан велел забить жеребенка, барана...

Снова начались угощения.

Гости просидели у Курбана весь день.

– Очень желательно и большую важность имело бы распространение грамотности среди башкир! – рассуждал Курбан. – Замечательное явление! Башкиры говорят, что арабский алфавит следовало бы заменить русским.

Старик Хамза однажды привез и показал Курбану письмо Могусюма, где башкирские слова написаны были русскими буквами.

Курбан этим воспользовался при случае. Будучи в Оренбурге, сказал губернатору, что желал бы введения русского алфавита для башкир, и сам написал несколько башкирских слов русскими буквами.

Могусюмка был польщен, как казалось Курбану. Бай ждал, какие же дела к нему у башлыка, не потребует ли он с него еще чего-нибудь.

Бай оставлял гостей ночевать, но в тот же вечер башкиры поехали к себе. Макар и Авраамий поначалу обрадовались, что бай сдает землю, но потом, раздумавшись и перемолвившись между собой, решили, что дорого дали, много придется платить, в других местах сдают землю дешевле. Мужики, почтительно простившись с баем, отправились прямой дорогой в свою Николаевку.

Бай был доволен. Могусюмка побывал у него и обошелся по-дружески. С русских бай получит часть урожая. Уж русские, когда есть захотят, себя не пожалеют; он знал: хлеб будет. Он сдавал землю и другим.

Могусюмка догнал телегу Бикбая в сумерках.

– Курбан сказал мне, что Падь Лосей вырубил. Правда это? – спросил он у Абкадыра.

– Да, там лесорубка одного купца. Он взял в аренду лес у Махмутовской общины.

Бикбай стал говорить, что теперь во всех общинах все решается баями; они что хотят, то и делают. Сам Бикбай еще считался совладельцем земли, на которой теперь прииски. Но земля эта уже не общинная, бай и татары-купцы всем распоряжаются.

– Если бы не ты, Курбан не согласился бы сдать николаевцам. Он сам общинные участки отдал компании, а нас, законных владельцев, теснят прочь. Он ведра чисто моет, учит баб чистоте. Уж вся эта земля скоро будет чужая, – молвил Бикбай, – а Курбан только показывает, как он нашу землю бережет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.